

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

ЗАКОН СЕМИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ
СЕМЕЙНЫЙ
РОМАН

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Закон семи

«ЭКСМО»

2006

Полякова Т. В.

Закон семи / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2006 — (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-17220-3

Повезло Ярославе Белосельской! Не каждому дано обнаружить, что прапрадед и отец держали в руках ключи от... ада. Правда, держали да не удержали. Ключи эти – семь старинных кинжалов времен Ивана Грозного – снова растворились в потоке времени. Но вот один «всплыл» – теперь кинжал с таинственными надписями находится у Ярославы. Хорошенькое наследство! О нормальной спокойной жизни приходится только мечтать! А кстати, где остальные кинжалы? Может, Ярославе удастся разгадать эту загадку? Но на пути ее ненависть, корысть и равнодушие – семь кругов ада человеческих отношений, и через них нужно пройти, чтобы найти... А что найти – это вопрос! Просто клад? Саму себя? Семейную тайну? Или... любовь?

ISBN 5-699-17220-3

© Полякова Т. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Полякова

Закон семи

* * *

С самого утра меня не покидало предчувствие, что именно сегодня что-то произойдет в моей жизни. Предчувствие не было тревожным, скорее наоборот. И, выходя из дома, я вдруг подумала: «Сегодня день чудес, день радости и счастья».

Впоследствии выяснилось, что я была весьма далека от истины, – «чудеса» еще куда ни шло, а вот со всем прочим... Однако приходится признать: я хоть и ошиблась в прогнозах, но все-таки догадывалась, что этот день изменит мою жизнь.

Настроение было приподнятое, воображение рисовало долгожданную встречу с единственным, которая, к сожалению, изрядно задержалась. Девушки моего возраста обычно успевают не один раз влюбиться, а многие даже выйти замуж и родить ребенка, а у меня с любовью было туго. Не потому, что я дурнушка, отнюдь. Скромность не позволяет мне назвать саму себя красавицей, но когда об этом говорят другие, я им верю. А чего не верить, раз зеркало есть и со зрением порядок? Мужчины обращали на меня внимание, и не реже двух раз в неделю я бегала на свидание, но далее продолжать знакомства почему-то не хотелось. Не думаю, что я особенно привередлива, хотя как знать... Говорят, человек сам хозяин своей судьбы. Моя мне вообще-то нравилась: интересная работа – я дизайнер в солидной фирме, неожиданно свалившееся наследство – бабушкин дядя, живший в Канаде, где оказался после войны, не только разбогател, но и не забыл перед смертью об оставшихся на родине родственниках. Деньги, завещанные им, позволяли мне жить лет пять в свое удовольствие, и это тоже настраивало на оптимистический лад.

Короче, дело было за любовью, и я ждала ее с нетерпением. Оттого сегодня, выйдя из подъезда, я прошептала как заклинание те самые слова и, весело размахивая сумкой, направилась к рынку. Старогончарный рынок всего в одной троллейбусной остановке от дома моей бабушки, и это расстояние я предпочитала преодолевать пешком. Бабуля затеяла печь пироги, и меня отправила за капустой. Сегодня у меня встреча только с одним клиентом в 14.00, до этого времени я и на рынок схожу, и пирогов поесть успею, и любовь встречу, ежели будет на то благословение судьбы.

Я выходила со двора, когда заметила его. На благословение судьбы он походил так же мало, как я на штангиста. Сухонький старичок в потертых джинсах, футболке и смешной шляпе с дырочками, которые носили в шестидесятые или, может, даже в пятидесятые, не знаю точно, годы прошлого века. В сочетании с джинсами и футболкой выглядела она комично. Я бы решила, что старичок – бомж и носит то, что добрым людям давно не нужно, но данному утверждению противоречил тот факт, что дядя, если можно так выразиться, прямо-таки сиял чистотой. И потертые джинсы, и футболка, и даже забавная шляпа – все выглядело безукоризненно.

Старичок сидел на скамейке, с грустью разглядывая что-то у себя под ногами, а когда я поравнялась с ним, поднял голову и улыбнулся. Я машинально кивнула и сказала «здравствуйте», решив, что это кто-то из соседей. Он кивнул в ответ, потом поднялся и пошел за мной. Странное дело: то, что он где-то там за спиной, внезапно обеспокоило. Я повернулась и увидела, что старичок двигает следом метрах в пяти от меня. Сунув руки в карманы джинсов и поглядывая по сторонам, он теперь фантастическим образом походил на подростка, который из озорства напялил на себя прадедушкину шляпу.

Я продолжила свой путь, чувствуя за спиной странного человечка. Еще дважды оглянулась и убедилась, что он идет за мной, немного поотстав. «Меня это не касается», – решила я, но надежда на внезапную встречу с любовью испарилась, и теперь непонятным образом моими мыслями всецело завладел старичок.

Я собралась перейти дорогу, что вовсе и не требовалось. Наверное, мне просто хотелось убедиться, что старичок идет сам по себе, а не за мной. Я свернула к пешеходному переходу и краем глаза успела заметить, что дядя тоже свернул. Это здорово разозлило, возникло желание взять его за шиворот и поинтересоваться, какого черта он дурака валяет. Но тут же идея показалась на редкость глупой: человек имеет право ходить там, где считает нужным, а если мне что-то померещилось...

И тут я вздрогнула, потому что прямо над ухом услышала громкое «ка-ар». Вслед за этим с ветки соседнего дерева поднялась ворона – огромная, черная и зловещая, как вестник несчастья.

– Чтоб тебе! – буркнула я.

Не скажу, что я всерьез забеспокоилась, но мне стало как-то не по себе, а главное, радостные мысли по поводу близкой любви окончательно улетучились, как та самая ворона. Впрочем, через мгновение я смогла убедиться, что с птичкой все не так просто. Она устроилась на дереве прямо напротив и вроде бы с интересом наблюдала, как я перехожу улицу. Я достигла тротуара, старичок еще только вступил на проезжую часть, а чертова птица вновь разразилась протяжным «ка-ар», и я пожалела, что нет под рукой камня – с удовольствием запустила бы в нее, забыв про ответственность перед меньшими братьями, Гринпис и отринув прочие соображения.

Однако это желание недолго изводило меня, потому что почти в то же мгновение на дороге появился огромный черный джип, который возник как бы из ниоткуда. На бешеной скорости он стремительно приближался к старику. Я испуганно замерла: еще мгновение, и старик будет сбит машиной, но джип затормозил, остановившись в метре от дяди. Вслед за этим мне стало ясно, что джип вовсе не материализовался из ниоткуда, а выехал с улицы Пестеля, хотя летать с такой скоростью в городе не только неразумно, а попросту преступно. «Это ворона, – успела подумать я. – Из-за нее лезет в голову всякая чушь».

Только я собралась было успокоиться, как старичок повел себя в высшей степени странно. Ему стоило бы порадоваться, что все так распрекрасно обошлось, или, наоборот, разразиться гневной речью, что вот, мол, носятся тут всякие сломя голову, так и до инфаркта человека довести можно. Но вместо этого старичок бросился бежать в ближайшую подворотню, умудрившись развить такую скорость, которой и бывалый спринтер позавидует.

Джип рванул на зеленый свет и свернул в первый же переулок, откуда сразу же долетел страшный треск, послышался звон стекла. Поравнявшись с перекрестком, я обнаружила, что хозяин джипа не справился с управлением и влетел в фонарный столб. Столб изрядно погнуло, джип тоже выглядел скверно. В нем сработали подушки безопасности, и трое мужчин в машине с очумелыми лицами пытались справиться с этой напастью. Ворона, устроившись на козырьке ближайшего здания, вывела радостное «ка-ар» и вроде бы даже мне подмигнула.

Вокруг джипа потихоньку собиралась толпа, заинтересованно наблюдавшая за муками пассажиров. Я решила, что с воронами пора завязывать, потому что в голову лезли мысли фантастические и даже глупые (например, что ворона имеет к аварии самое непосредственное отношение), а я считала себя девушкой умной. В общем, я прошла мимо аварии.

Войдя в здание рынка, я вроде бы успела забыть о старичке и уж точно больше не вспоминала ворону. Правда, подозревала, что сегодняшний день, в плане больших чувств, ничуть не лучше предыдущего. Но в суете рынка и эти мысли меня оставили. Я направилась к овощному ряду, и тут старичок возник вновь. Точнее, поначалу я услышала голос, который шел вроде бы из-под земли.

– Ярослава... – прошептал кто-то, и в первое мгновение я решила, что ослышалась, но шепот вновь повторился:

– Ярослава...

Я нахмурилась и начала оглядываться, и тут заметила притулившегося между высоченных прилавков с горами фруктов старичка. Очень серьезно глядя на меня, он махнул рукой, приглашая приблизиться, и я, сама не знаю почему, сделала шаг в его сторону.

– Ты ведь Ярослава? – зашептал он.

Глаза у него были странные: зрачок очень большой (может, из-за пережитого испуга), радужная оболочка казалась выцветшей, какого-то бледно-желтого цвета, и на фоне белков с желтыми пятнами была почти незаметна, будто ее и нет вовсе. А еще у него не было ресниц. Совсем. Сморщенное личико напоминало печеное яблоко, но почему-то я была уверена, что не так уж дядя и стар.

– В чем дело? – спросила я и смутилась: вопрос прозвучал довольно грубо. Кашлянула и добавила: – Извините.

– Твой отец... – опять зашептал старик. – Скажи его имя...

– Мой отец умер, – растерялась я.

– Знаю, – поморщился он. – Скажи имя.

– Анатолий Ильич Белосельский, – пробормотала я, теряясь в догадках, зачем старику это нужно. А он облегченно вздохнул.

– Слава богу. Еле узнал тебя, ошибиться боялся. – Дядя сунул руку за пазуху, достал оттуда сверток, взглянул на него, вроде бы в чем-то сомневаясь, и протянул мне:

– Никому не отдавай. Никому. Слышишь?

– Что это? – нахмурилась я, отступая на шаг.

– Отец знал, и ты узнаешь, – забормотал старик, очень напоминая в ту минуту сумасшедшего. – А больше никому!

– Послушайте... – начала я, а он очень ловко сунул сверток в мою сумку, что меня здорово разозлило. – Послушайте... – повторила я грозно, собираясь отчитать странного дядьку.

– Матюша, – вдруг позвал кто-то рядом, – тебя здесь спрашивают.

Толстая тетка в голубом переднике, вне всякого сомнения, обращалась именно к старичку. Она мотнула головой куда-то в сторону, я проследила ее взгляд и увидела двух рослых парней. На подбородке одного из них – свежий шрам.

– Иду! – весело крикнул старичок, но взгляд его, обращенный ко мне, посуровел. – Никому... – нараспев сказал он. – Теперь ключ у тебя, с тебя и спрос... – И дядя юркнул в темноту прилавка.

– Послушайте, – вновь начала я, – эй..., как вас... – Назвать дедулю Матюшей язык не поворачивался, я в досаде плюнула, побежала вдоль прилавка, надеясь перехватить старика, но его и след простыл.

Я заглянула в сумку, не удержалась и пощупала сверток. Желто-коричневая бумага, в которую на почте упаковывают бандероли, шпагат, должно быть, тоже с почты. Внутри что-то твердое, завернутое, кажется, еще и в тряпку. «Ключ, – подумала я. – Старик говорил что-то про ключ. И что мне с ним делать?» Ответ пришел сам собой: разумеется, отыскать Матюшу и выяснить, что он мне такое подсунул, а главное, зачем! Судя по поведению тетки, человек он здесь известный, значит, найти его будет несложно.

Забыв про капусту, я направилась вдоль прилавков и очень скоро едва не столкнулась с Матюшей. Он стоял возле входа в кафе в компании двух мужчин, тех самых, что его искали. Один мужчина что-то говорил ему, а Матюша кивал, слушая без особого интереса. Я направилась к ним, по пути заговаривая первую фразу. Скажу ему: «Будьте добры объяснить, в чем дело...» Нет, лучше так: «Заберите свой сверток и потрудитесь объяснить...» Но ни одну из этих фраз я так и не произнесла. Матюша увидел меня, когда я оказалась совсем рядом, вски-

нул голову и так взглянул, что слова разом улетучились. Точно под гипнозом, я резко свернула и вошла в кафе. Матюша продолжал кивать, а парень говорить, до меня долетели слова: «Чего ты дурака валяешь?», сказанные укоризненно. Непохоже, чтобы парни ему грозили, скорее уговаривали. И в том, как дядька стоял, как кивал, испуга не чувствовалось. И все же он явно очень испугался, когда увидел, что я приближаюсь, то есть он боялся, что парни обратят на меня внимание.

Я устроилась за столиком кафе, через стеклянную дверь наблюдая за тем, что происходит на рынке. Теперь говорил Матюша, но слова его я слышать, разумеется, не могла, однако по физиономии парня со шрамом догадалась, что по душе они ему не пришлись. Второй парень звонил по мобильному, нервно расхаживая рядом. Матюша сказал что-то резкое, махнул рукой, точно подводя итог разговору, и зашагал по проходу. Парни переглянулись, тот, что со шрамом, пожал плечами, и оба направились к центральному входу, а я вспомнила, что мне нужна капуста.

Происшедшее интриговало и раздражало одновременно. Очень хотелось заглянуть в сверток.

но я решила потерпеть до дома. Выпила кофе и отправилась за капустой. Нечего и говорить, что расстояние до квартиры бабули я преодолела в рекордные сроки, хотя, замечая, что вдруг срываюсь чуть ли не на бег, старалась идти медленнее. Куда там! Любопытство – серьезное испытание, и я знала – мне его не выдержать.

Мысли о любви, которая с утра казалась такой вероятной, более не беспокоили, и сожаление, что еще один день в этом смысле прошел впустую, не посетило. Меня одолевали совсем другие мысли. Я думала только о странном старике. Он ведь шел за мной от самого дома. Точнее – от дома моей бабушки. Еще несколько лет назад здесь жила вся наша семья: я, бабушка, мама, а еще раньше – мой отец. До своей смерти. Матюша был знаком с моим отцом, это очевидно. Отец погиб, когда мне был всего год. Если последний раз дедуся видел меня в том нежном возрасте, немудрено, что едва узнал. Нет, должно быть, он все-таки видел меня позднее. Например, был знаком с моей матерью. И еще его интересовало имя отца – он боялся спутать меня с кем-то, отдать сверток не тому, не той... Черт, что же там, в свертке? А если дядька просто чокнутый? Мало ли в городе сумасшедших... Он ждал меня, шел за мной, а еще боялся, что кто-то узнает о том, что он передал сверток мне. Его взгляд возле кафе можно было понять только так: «Проходи мимо и забудь, что мы встречались». Кстати, парни, очень может быть, те самые, что преследовали его на джипе. Точнее, от которых он рванул со всех ног. Хотя их встреча на рынке выглядела вполне мирной, значит, убегал он от них, преследуя две цели: не хотел, чтобы парни обратили на меня внимание, и желал сохранить факт передачи свертка в тайне. Его последующее поведение данную версию подтверждало. Что же в свертке? Ладно, еще немножко терпения, сейчас приду и увижу...

Тут я некстати подумала о вороне. Не скажу, что люблю мистику, но кое-какие фильмы на эту тему смотрела. И даже с удовольствием. Вороны и вороны, если память мне не изменяет, зачастую бывали символом зла и пособниками нечистой силы. И здесь птица появилась весьма впечатляюще, хотя, если придерживаться истины, Матюша не пострадал, а вот его возможные преследователи влетели в столб. Так что если сегодняшняя ворона и вестница несчастья, так накаркала она его парням, а не Матюше. Вот и выходит: либо Матюша дружит с нечистой силой, либо все это чушь, что более вероятно.

Я усмехнулась и поспешно вошла в подъезд, радуясь, что разгадка близка. По крайней мере, я на это надеялась. «Отдам продукты бабуле и домой», – подумала я, но тут же поняла, что такое испытание слишком сильное для меня: до моей квартиры довольно далеко, а я и так изнываю от любопытства.

Уже год я жила отдельно, благодаря все тому же наследству. Хотя бабуля и возражала, я все же купила себе квартиру, объяснив это тем, что деньги не должны лежать мертвым грузом, а

жилье постоянно дорожает. Бабушка, хоть и нехотя, с моими аргументами согласилась. Теперь я навещала бабулю ежедневно, а вот уживаться с ней под одной крышей было нелегко. Особенно после того, как мама вышла замуж и уехала из города. Бабушка сочла ее поступок предательством по отношению к своему давно погибшему сыну и неустанно вспоминала об этом. Отца я, конечно, не помнила, хотя мне и казалось, что я его люблю. Но мамино новое замужество лично я вовсе не считала предательством. С какой стати молодая красивая женщина должна всю оставшуюся жизнь пребывать в одиночестве? Но объяснять то же самое бабуле было бесполезно, она просто не желала ничего слушать. Когда мама вышла замуж, я училась в школе, решено было, что школу мне лучше закончить здесь, и мама уехала одна, точнее, с мужем. Бабушка, с одной стороны, была очень рада, что я осталась с ней, а с другой – отъезд мамы неизменно трактовала по-своему: «Ребенка бросила ради мужика». В общем, бабуля у меня прекрасный человек, но жить с ней вместе – испытание, вот я и постаралась улизнуть при первом удобном случае.

– Славик, это ты? – крикнула бабушка с кухни, услышав, как хлопнула входная дверь. Ярославой меня назвал отец. Надеюсь, из лучших побуждений. Бабуля объясняла выбор имени большой любовью отца к русской истории. Уверена, в русской истории можно было отыскать имя и получше, что-нибудь благозвучное и более подходящее современной женщине. Екатерина, к примеру. Ярославой меня называли разве что официально. Друзья, родственники и знакомые предпочитали звать меня Славиком, а то и вовсе придумывали что-то неудобоваримое вроде Яры.

– Я, бабушка, я, – ответила я, проходя с сумкой в кухню. Бабуля возилась с тестом.

– Капусту не забыла? – спросила она серьезно, как будто я когда-нибудь что-то забывала.

– Не забыла.

Я выкладывала продукты на стол, бабушка стояла ко мне спиной, и я быстро переложила сверток на дно сумки, не желая, чтобы она его увидела.

– Хочешь, помогу тебе? – предложила я без особого энтузиазма.

– Не говори глупости, – отрезала бабушка. – На кухне должна быть одна хозяйка.

– Ну, как знаешь, – пожала я плечами и удалилась в комнату, которую до сих пор считала своей.

По дороге убрала хозяйственную сумку в шкаф в прихожей, а сверток сунула под мышку. Изнывая от нетерпения, нашла ножницы. «Хороша я буду, если в свертке окажется какая-нибудь гадость!» – мысленно хмыкнула я, разрезая бечевку. Развернула бумагу. Узкий и довольно длинный предмет был завернут в красную бархатную ткань. Несколько секунд я таращилась на нее как бы в преддверии великой тайны, пока на себя не разозлилась: что это я, в самом деле? Развернула ткань и удивленно замерла. На столе лежал кинжал или стилет, поди разберись, как подобная штука правильно называется. Металл, похожий на серебро, хотя и здесь наверняка не скажешь. Ладно, допустим, серебро. Хотя я не слышала, чтобы из серебра делали оружие. Серебро, как и золото, мягкий металл. Значит, скорее какой-то сплав. Длинное тонкое лезвие с острым концом. Но более всего поразила рукоятка. Она была выполнена с величайшим искусством. В переплетении серебряных цветов крест с распятым Спасителем, в его ногах череп. Я перевернула кинжал. То же сплетение трав и цветов, но вместо распятия фигурка животного и какая-то надпись явно на старославянском. Животное – телец, а вот что написано... Очень короткое слово в самом низу никак не желало читаться, пока я не вспомнила, что при написании слов на старославянском гласные зачастую опускали, на их наличие указывал особый знак «титло». При внимательном рассмотрении он обнаружился, и теперь я смогла прочитать слово: Лука.

Поначалу я решила, что кинжал имеет какое-то отношение к знакам Зодиака, ведь телец – одно из созвездий. Но наличие на другой стороне распятия этому противоречило. Хотя, может, и нет. Тут пришла очередная догадка, и я, решив ее проверить, стала искать православ-

ный словарь, на что ушло довольно много времени. Книга стояла во втором ряду в огромном книжном шкафу, и обнаружила я ее не без труда. Зато была вознаграждена. Итак, Лука один из апостолов, оставивших жизнеописание Христа, то есть Евангелие. На иконах изображается его символ – телец. Лука начинает свое Евангелие повествованием о рождении Предтечи Христова Иоанна от священника Захария, в числе обязанностей которого было приносить в жертву между прочими животными тельцов. Немного путано, но не лишено логики. Трудно понять, зачем вообще понадобились символы, но, должно быть, два тысячелетия назад кто-то видел в них необходимость. Буквы на рукоятке сложились в фразу: «Рука твоя – рука Божья». Итак, никаких знаков Зодиака, вещь самая что ни на есть христианская – распятие, имя апостола и его символ. Вот только сама вещь мало подходит, с моей точки зрения, человеку верующему. Верующий человек просто обязан быть пацифистом, и оружие должно вызывать у него неприязнь. А в том, что передо мной оружие, я не сомневалась. Хотя постой... Матюша ведь сказал «ключ». Любопытно, к чему он? Или от чего?

Надо сказать, верующим человеком я себя не считала, хотя нравственный аспект христианства вызывал у меня уважение. Я повертела кинжал в руках и задумалась. Очень хотелось побыстрее разыскать Матюшу и устроить ему допрос, с какой такой стати он вручил мне необычную вещицу, а главное, что имел в виду под словом «ключ».

Я так увлеклась созерцанием кинжала и своими мыслями, что не услышала, как в комнату вошла бабушка. Надо сказать, старушка была любопытной и любила появляться неожиданно, то есть практически бесшумно, чему способствовала привычка ходить по дому в носках.

– Что это? – услышала я над ухом и вздрогнула от неожиданности. Хотела прикрыть кинжал тканью, но поняла, что безнадежно опоздала. – Откуда он у тебя?

Лицо бабушки выражало неподдельную тревогу, и я с ходу принялась врать:

– Дал один знакомый. Правда, забавная вещица?

– Ничего забавного я не вижу, – еще больше нахмурилась бабуля и, точно мгновенно обессилев, опустилась в кресло по соседству. – Слава, откуда у тебя этот кинжал? – повторила она, в голосе ее прозвучало нечто такое, что не позволило мне предположить – она просто желает быть в курсе всех моих дел, включая и те, которые ее не касаются, и беспокоится за меня, потому что другого занятия для себя придумать не может.

– Я же говорю: дал знакомый, – вздохнула я, все еще не желая сказать правду. – Он купил его на блошином рынке и хочет знать, представляет ли он какую-нибудь ценность.

– И поэтому обратился к тебе? – саркастически усмехнулась бабуля.

– У меня есть знакомые, которые в таких вещах разбираются, – ответила я. недовольно поморщившись.

– Не сомневаюсь. Дай сюда! – сказала бабушка так требовательно, что я поспешно протянула ей кинжал. – Принеси очки, – буркнула она. – На журнальном столике.

Я сходила в гостиную и вернулась с очками. Все это время бабуля держала кинжал в руках с таким видом, точно он жег ей пальцы. Водрузила очки на нос и принялась его разглядывать.

– Лука... Это другой кинжал, – сказала то ли с сожалением, то ли с печалью и положила его на стол. Надо сказать, бабуля у меня дама прогрессивная, церковь считает пережитком, а церковнослужителей – бюрократами, и ее познания в данной области произвели впечатление. – Надо же...

В этом ее «надо же» было столько удивления, что я почувствовала себя заинтригованной и полезла с вопросами:

– Что значит «другой»? Ты видела подобный кинжал?

– Нет. Точнее, видела рисунок. Твой отец был помешан на этой чепухе. Такой ответ не просто не удовлетворил – он вызвал еще больше вопросов.

– Бабуля... – начала я, но она меня перебила.

– Не могу поверить, – с печалью покачала она головой, – через столько лет... Вот уж действительно судьба! Кто-то из твоих знакомых, говоришь... Славка, – нахмурилась она, – а ты не врешь? Надеюсь, ты помнишь, что врать нехорошо, особенно родной бабке?

Разумеется, я помнила. И теперь изнывала от соблазна покаяться. С другой стороны, хотелось побыстрее узнать что-нибудь о кинжале.

– Бабуля, ты говоришь загадками, – укоризненно заметила я. Она махнула рукой:

– Должно быть, и впрямь судьба, а от нее не уйдешь. В отличие от твоего отца, у тебя есть здравый смысл, так что, надеюсь, эта штука не испортит тебе жизнь.

– А отцу испортила? – вытаращила я глаза.

– Он потратил много лет на поиски, вместо того, чтобы... Впрочем, твой отец был неординарным человеком и подходит к нему с общими мерками...

– Бабуля, ты меня уморишь! – не выдержала я. – У отца был такой кинжал, точнее рисунок?

– Был. Точно такой же, за одним исключением: на рукоятке изображение льва и имя Марк.

– Телец – символ евангелиста Луки, – со знанием дела кивнула я. Знания были приобретены двадцать пять минут назад, но от этого гордилась я ими не меньше.

Тут бабуля вновь потрясла меня. Она кивнула и продолжила, и никакая энциклопедия ей не понадобилась:

– Точно. Марк начинает свое Евангелие проповедью Иоанна Крестителя в пустыне, которая была подобна голосу льва, оттого и символ.

– Восхищаюсь твоими познаниями, – подхалимски произнесла я.

Она вновь усмехнулась:

– Твой отец мне все уши протрещал с этими кинжалами.

– Так, значит, существует несколько подобных кинжалов?

– Значит, раз один лежит перед тобой, а еще один я видела на рисунке. Всего их должно быть семь. По крайней мере, так считал твой отец.

– Почему семь? Ведь евангелистов всего четверо?

– Откуда мне знать? Так он считал. Отдавая ему дневник, я хотела, чтобы мой сын заинтересовался своими корнями... Я и подумать не могла, к чему это приведет...

– Бабуля, ты опять говоришь загадками, – попеняла я.

– Он действительно попал к тебе случайно? – нахмурилась она.

Я уже хотела рассказать правду, но вдруг подумала, что тогда интересующие меня сведения могу и не получить. Если бабуля решит молчать, никакие силы небесные не заставят ее говорить. Врать все-таки не хотелось, и я лишь кивнула.

– Сиди здесь, – сказала бабушка, поднимаясь. – Я сейчас все принесу.

Весьма заинтригованная, я сидела за столом, слыша, как бабуля в своей комнате хлопает дверцей секретера и выдвигает ящики. Когда я уже собралась идти туда, горя нетерпением, она появилась, держа в руках четыре тетради, которые я из-за кожаных переплетов поначалу приняла за книги.

– Вот, – сказала она, положив их на стол. – Это дневники моего деда. Белосельского Константина Ивановича.

– Почему ты раньше о них ничего не говорила? – удивилась я, взяв в руки потрепанную тетрадь с пожелтевшими листами.

Бабуля пожала плечами:

– В основном потому, что твой отец чересчур всем этим увлекся. И погиб, – добавила она.

– Бабуля, – укоризненно покачала я головой, – но ведь не из-за этих же дневников он погиб?

– Как посмотреть, – опять пожала она плечами. – Если бы не дневник, он бы, возможно, никогда... Впрочем, повторяю, с судьбой не поспоришь, и кинжал тому доказательство. – Она покачала головой и вдруг продолжила совсем другим тоном:

– Ты мало похожа на своего отца, он был романтик, идеалист, а ты..., ты слишком практична. Иногда мне становится не по себе, когда я слышу твои высказывания.

– Спасибо за критику, постараюсь учесть, – раздвинув рот до ушей, сказала я. «И не особо при тебе высказываться», – хотела добавить я, но решила промолчать.

– Может быть, дневники помогут тебе взглянуть на мир немного по-другому, – заключила она, вроде бы совсем меня не слушая.

* * *

Бабуля торжественно удалилась, а я вздохнула. Затем перевела взгляд на дневники. Открыла тетрадь, ту, что лежала сверху. Первые же строчки повергли в трепет. Мама дорогая, 1910 год! Невероятно! В голове закружились обрывки исторических сведений: первая русская революция, Кровавое воскресенье, русско-японская война... А тут: «Сегодня на Фонтанке я увидел Ее... Она шла с букетом фиалок...» Почерк у моего прапрадеда был на редкость красивый, кажется, в его время это называлось «каллиграфический». А может, не в его время, неважно. Главное, читать было одно удовольствие. История первой любви – что может быть интереснее и трогательнее!

Я не заметила, как перебралась на диван, не отрывая взгляда от пожелтевших страниц, и вскоре ничего на свете меня уже больше не интересовало, только двадцатипятилетний Костя Белосельский и его первая любовь. Встречу с клиентом пришлось отменить.

Бабуля тихонько вошла в комнату, закрыла балконную дверь, пироги на блюде стремительно исчезали, а я, уминая очередной и почти не чувствуя вкуса, продолжала переворачивать страницы.

– Бабуля, – позвала я. – Он на ней женился? Верочка Москвина, это ведь моя прапрабабушка? – Стыдно, но я понятия не имела, как звали мою прапрабабку.

– Читай дальше, – отмахнулась бабуля. – И все узнаешь.

Никаких упоминаний о кинжале в дневнике не было, в нем вообще шла речь только о любви, но теперь о кинжале я даже не вспоминала, так захватили чужие чувства. Было странно, что кто-то сто лет назад, как и я, надеялся, мечтал, страдал, и все это вовсе не выдумка автора литературного произведения, все по-настоящему, и этот «кто-то» мой прапрадед. И само повествование, и его мысли казались странно современными. Только вдруг натолкнувшись на упоминание каких-то исторических событий, я с изумлением понимала, что все описанное здесь происходило очень давно, что нас разделяют революция, несколько войн, создание и падение советской империи, Сталин с репрессиями, Горбачев с перестройкой... Столько всего уместилось в сто лет, а у меня было такое чувство, что писал все это мой ровесник. Впрочем, так оно и есть. Тогда прапрадеду было примерно столько лет, сколько мне сейчас.

Вторая тетрадь подходила к концу. Костя наконец-то объяснился и предложил своей возлюбленной руку и сердце. А Верочка Москвина ему отказала. Вот так. Восемь страниц со следами слез, размывших чернила. Жизнь кончена. Костя подумывал застрелиться. Но нет, это недостойно мужчины. Надо помнить, что жизнь дана человеку не только для личного счастья, и вообще личное счастье мужчины неотделимо от служения Отчизне.

– Правильно, – кивнула я. – Плюнь на эту вертихвостку. Подумаешь, свет на ней клином сошелся...

Костя принял решение покинуть родной Санкт-Петербург, где все, абсолютно все напоминало ему о несчастной любви, и вскоре оказался в нашем городе. Молодой товарищ про-

курора... Оказывается, это должность. Если я правильно поняла, что-то вроде современного зама.

Наш город Косте понравился. После столичной суеты тишина и патриархальные нравы произвели самое отрадное впечатление. Работой его особо не перегружали, жил он на широкую ногу (мог себе позволить), считался завидным женихом, часто бывал в обществе, интересовался и даже начал понемногу спекулировать былой любовью, чего стыдился в минуты, когда оставался наедине с самим собой. Мысли о Верочке все реже терзали его, он томно вздыхал, поглядывая на девиц и намекая на разбитое сердце, и все чаще упоминал в дневнике имя дочки градоначальника. Так что нетрудно было догадаться: вскоре Верочку окончательно вытеснит Софья.

– Надеюсь, это моя прапрабабка, – вздохнула я, хотела потревожить бабулю, чтобы спросить, но передумала.

Зарисовки губернского города сменяли размышления о смысле жизни, о своем призвании, и вдруг вот такая запись: «23 апреля прибыл человек из Спасо-Преображенского монастыря, что в двадцати верстах от города, привез письмо от настоятеля...» Произошло нечто невероятное: ночью в своей келье был убит один из монахов монастыря. И двадцать третьего апреля поздно вечером Костя как должностное лицо выехал в Спасо-Преображенский монастырь.

Шел проливной дождь, колеса вязли в грязи, и чиновники выходили из коляски, чтобы помочь лошадям. Казалось, они встретят рассвет в дороге, и вдруг кучер Матвей, ткнув кнутом в непроглядную темень, крикнул:

– Вот он, монастырь, слава богу, приехали.

И сквозь сумрак дождя Костя разглядел крохотный огонек зажженной лампы перед иконой Спасителя, что висела над воротами монастыря. Измученная лошадь, почуяв жилье, пошла веселее, и вскоре Костя оказался перед огромными белеными стенами. Деревянная калитка, обитая железом, была заперта, пришлось долго стучать, прежде чем старый монах открыл ее и, бормоча что-то себе под нос, проводил прибывших чиновников к настоятелю. До той поры Косте никогда не доводилось бывать в таком месте, особо верующим он себя не считал, хотя каждое воскресенье отстаивал обедню. Монастырь буквально потряс его. Обитель возвели в семнадцатом веке на том же самом месте, где ранее уже был монастырь, но сгорел за двенадцать лет до этого.

Сквозь пелену дождя Костя успел разглядеть величественный храм и колокольню. Прибывшие прошли в келейный корпус и длинным коридором проследовали к покоям настоятеля. Костю охватило странное чувство: тревога, беспокойство? Близость к чему-то такому, чему он не мог подобрать названия. Не так он представлял себе святое место. В святом месте человек должен испытывать покой, умиротворение, а он ощущал тревогу.

Я на некоторое время отвлеклась от дневника. В Спасо-Преображенском монастыре я была месяц назад. Там сейчас музей, а до того долгое время была тюрьма или колония. Я поднялась с дивана, нашла рекламный проспект музея, схему расположения зданий с подробным планом, фотографии. Так, вот они – покои настоятеля. Длинный, очень узкий, со сводчатым потолком коридор, каменные плиты под ногами... Сейчас стены оштукатурены и побелены, тогда они были из красного кирпича. Лампа в руках монаха, странные тени на потолке... Чувства Константина мне весьма понятны. Я сама испытала легкий трепет, проходя по тому коридору в одиночестве.

Покои настоятеля в самом конце здания, точнее, это уже другое здание, соединенное с первым еще одним переходом. Окна с двух сторон, узкие, как бойницы, но почти до самого

пола. Дождь хлещет как из ведра, и вдруг Костя слышит странный звук, точно кто-то стучит в окно, поворачивает голову и в окне справа видит огромного ворона.

«Очень интересно, – усмехнулась я. – Начинает напоминать мою историю. Значит, ворон. В проливной дождь птичке положено сидеть в укромном месте и не каркать. Но этому вздумалось полетать...»

Монах испуганно шарахнулся от окна и перекрестился. Костя пренебрежительно усмехнулся, но беспокойство в его душе лишь возросло. Наконец они достигли покоев настоятеля. Костя был удивлен, обнаружив довольно молодого еще мужчину гусарской внешности – пышные усы, аккуратная бородка, острый взгляд ярко-синих глаз, которые в свете лампы были похожи на два больших сапфира. «Гусар» представился, и тут выяснилось, что он не настоятель. Отец Андрей, так звали «гусара», сообщил, что настоятель неважно себя чувствует, встречи с ним придется подождать до утра, но он, отец Андрей, готов ответить на все вопросы и... Разумеется, Костя хотел знать, что произошло в монастыре. Отец Андрей вздохнул и стал рассказывать.

Дело обстояло так: сегодня во время заутрени монах по имени Никон незаметно покинул храм. Почему он это сделал, никто не знает. Возможно, почувствовал недомогание. Как сказал отец Андрей, поначалу никто не обратил на это внимания. После службы монахи отправились в трапезную, и тут наконец отсутствие Никона было замечено, но особого значения этому факту не придали. И только через час тело Никона обнаружили на пороге его кельи.

– Где труп? – деловито поинтересовался следователь, прибывший вместе с Костей, который, по его мнению, никогда не отличался особой деликатностью.

– В келье, – сурово ответил отец Андрей.

– Ну, так ведите!

Тем же коридором они вернулись назад. Здание напоминало букву Г, и интересующая их келья оказалась в другом крыле. Следователь Никифоров шел впереди и позевывал. По дороге в монастырь он излагал Косте свои взгляды и церковнослужителей называл мракобесами, сейчас он с отцом Андреем говорил без особого почтения. Костю это корбило. Он считал: те, кто уходит от мира, чтобы молиться за других, достойны уважения. В глубине души он ими даже восхищался.

Никогда не видя прапрадеда на фотографии, я представляла его таким – высокий блондин с ясным взглядом, улыбчивый, добрый. Он изо всех сил старался «соответствовать» и быть серьезным. Скорее всего, выглядело это забавно. Сейчас, читая дневник, я как будто находилась рядом с ним, так живо он все описал. Видела мрачные переходы монастыря, скучающую физиономию Никифорова, красивое лицо отца Андрея и чуть испуганную самого Кости. Страх он считал недостойным себя, но с той минуты, как за его спиной закрылась калитка монастыря, он чувствовал себя не в своей тарелке. Нет, не страх владел им, скорее беспокойство, а еще предчувствие. И проклятая ворона не шла из головы, хоть он и сердился на себя за глупые предрассудки.

Наконец они подошли к келье. Возле низкой двери случилась заминка: отец Андрей хотел войти первым, но после некоторого колебания пропустил вперед Никифорова и Костю.

Келья оказалась маленькой комнатой. Вдоль левой стены лавка, на которой лежал мертвый монах, прикрытый какой-то тряпицей. Прямо напротив оконца, возле него узкий стол с табуретом, на столе раскрытая книга. Костя, взглянув мельком, понял – Библия. Надо сказать, мертвецов Костя побаивался, но, конечно, скрывал это, и сейчас держался от лавки на расстоянии. Никифоров, отбросив тряпицу в сторону, принялся разглядывать убиенного. В келье горела только лампада перед иконой в углу, но отец Андрей захватил с собой лампу, и ее света вполне хватало.

– А вы идите, идите, – кивнул ему Никифоров. – Мы уж тут сами. Тот вроде бы заколебался.

– Возможно, у вас возникнут вопросы... – неуверенно произнес он.

– Все вопросы завтра. Завтра доктор приедет, осмотрит труп. Соболаговолите распорядиться комнаты нам приготовить. До ближайшей гостиницы верст десять, а по такой погоде мы полночи ехать будем. И человечка нам отрядите, чтоб во владениях ваших не плутать, а затруднять вас мы более не смеем.

Отец Андрей ушел, а Никифоров тут же повернулся к Косте и заявил презрительно:

– Врут святоши. Головы нам морочат.

– Как врут? – удивился Костя.

– А так и врут. Этот утверждает, что монаха на пороге кельи нашли. И ничегошеньки не трогали. А где же тогда кровь? А крови нет, милостивый государь. Ни на пороге, ни на лавке.

– Вы хотите сказать, что монаха убили вовсе не здесь?

– Хочу. Не здесь и не утром, а самое малое сутки назад.

– Зачем же они говорят не правду? – удивился Костя.

– Поди разбери, что у них на уме.

Разумеется, сам факт убийства был для монастырских крайне неприятен – бросал тень на обитель. А учитывая, что чужих в монастыре не было, дело становилось весьма щекотливым, потому что выходило: убил кто-то из своих, то есть кто-то из монахов, что уж вовсе никуда не годилось.

Никифоров продолжил размышлять вслух, а Костя подошел к столу и начал машинально листать страницы Библии. И вот так, совершенно случайно, нашел листок папиросной бумаги, аккуратно подклеенный к одной из страниц.

«Сказано, – прочитал он, – будешь ты орудием Господа, его щитом и мечом... – почерк был мелкий, и Костя передвинул лампу поближе, всматриваясь в текст... – стеной нерушимой на пути Антихриста. Рука твоя – рука Божья, и меч в ней – его меч».

– Что это? – удивился Костя, поворачиваясь к Никифорову. Тот подошел, неохотно взглянул на книгу:

– Чепуха.

– Вам не кажется, что листок зачем-то желали спрятать?

Костя перечитал текст трижды, но откуда взята цитата, так и не вспомнил, что не удивительно, раз церковными текстами он ранее не интересовался. Никон зачем-то выписал эту цитату и запрятал листок в Библию. Хотя, может, и не прятал. Просто положил, а потом и вовсе забыл о нем. Почему бы и нет?

Костя продолжил чтение. Еще двенадцать цитат, примерно того же свойства: некто, избранный Господом, должен стать на пути Антихриста. Внизу была сноска «Наказ» и знак вопроса.

Размышления Кости прервало появление монаха, молодого парня с хмурым лицом и недоверчивым, даже злобным взглядом. «Такому только в городские идти», – невольно подумал Костя и смутился. Никифоров начал задавать монаху вопросы, то и дело позевывая и вроде бы даже ответов не слушая. А тот отвечал односложно, с напускным смирением, но взгляд его говорил о многом, например, о том, что он с удовольствием проводил бы обоих прибывших к монастырским воротам.

Разговор с монахом лишь укрепил подозрения Никифорова. Монах повторил слова отца Андрея, что труп Никона нашли на пороге кельи. Была ли кровь на полу?

– Нет, – ответил он, немного поколебавшись.

Никифоров спросил, уверен ли он в этом, на что монах заявил, что пришел много позднее остальной братии, но, насколько ему известно, никто ничего не убирал, потому что насто-

ятель категорически запретил что-либо трогать. Тело перенесли в келью и сразу же отправили человека в город. На сем осмотр трупа и импровизированный допрос были закончены.

* * *

Далее события развивались по законам детективного жанра. Никифоров с Костей решили дождаться доктора и в том случае, если он подтвердит подозрения Никифорова, приступить к допросу монахов со всей строгостью. А пока оба отправились спать. Кельи для ночлега им выделили в разных концах коридора, что Косте не понравилось. Впрочем, он был уверен, что уснет мгновенно, так вымотала его дорога.

Но уснуть оказалось не так просто. Только он задремал, погасив лампу, как услышал чьи-то осторожные шаги – некто прошел мимо его кельи, проследовал коридором до поворота, после чего шаги стихли. Буквально через минуту Костя вновь услышал шаги. Сначала решил, что человек возвращается, но тут же стало ясно: нет, это идет другой человек, и следует он в том же направлении, что и первый. Костя поднялся, оделся, не зажигая лампы, и выглянул в коридор. Тот тонул в темноте, разглядеть что-либо возможным не представлялось, и есть ли кто-то поблизости, оставалось тайной. Взять с собой лампу Костя не рискнул и в темноте, держась за стену, пошел по коридору в ту сторону, где, как он предполагал, затихли шаги.

Думаю, мой прапрадед отправился бродить по монастырским коридорам по двум причинам: первая, конечно, любопытство, он был чрезвычайно заинтересован происходящим. Перед отправкой на это происшествие его вызвал сам губернатор, говорил отечески ласково, но дал понять, что в такое время любая тень, брошенная на святую обитель, может самым непредсказуемым образом повлиять на ситуацию в губернии. А она не проста, ох как не проста! Понятное дело, губернатор не был заинтересован в огласке столь скандального происшествия (и впоследствии, как выяснилось, постарался его замять).

Надо сказать, мой прапрадед не увлекался лозунгами «о свободе, равенстве и братстве». То есть они ему вполне импонировали, но он помнил и другое изречение: «Подними раба с колен и получишь хама». Оттого идеи революции никакого отклика в нем не нашли, к власти он был лоялен, хотя и считал, что кое-какие преобразования были бы в стране весьма своевременны. Потому словам губернатора он внял, и сор из избы выносить не стремился. Однако в том, что произошло, жаждал разобраться, ибо дотоле по службе не сталкивался с чем-то из ряда вон выходящим. Ну, отравила девица Смирнова купца Епифанова, прижив с ним ребенка и будучи им безжалостно брошена, а мещанин Котов по пьяному делу пришиб до смерти свою супругу... Но разве ж это интересно? А тут – кругом тайна. Один листок папиросной бумаги меж страниц Библии чего стоит. Вот и гнало Костю в темноту любопытство.

Но была и вторая причина: желание доказать самому себе, что ничего он не боится, хотя монастырские переходы и вызывали нехорошие мысли, весьма не приличествующие святой обители.

Итак, Костя шел, стараясь не производить шума. Рука его скользила по шершавой стене, пока не нащупала приоткрытую дверь. Он прислушался и уловил некий звук, шедший откуда-то снизу. Не раздумывая, Костя протиснулся в довольно узкую щель (открыть дверь пошире он не рискнул, боясь скрипа дверных петель) и едва не свернул себе шею: прямо за дверью начиналась лестница, ведущая вниз, очень крутая. Он с трудом удержался на ногах...

Оставив своего предка на время в полной темноте и в неведении, я переместилась за стол, вновь заинтересовавшись планом монастыря. Так, вот жилой комплекс, там сейчас музеи народных промыслов, коридор... Какую же дверь имел в виду Константин? На плане лестницы есть в обоих крылах здания. Ведут они в подвальное помещение. Та, что слева, в погреб. По крайней мере, так указано в схеме. А вторая... Вот это очень интересно: подземная часовня.

Сейчас экскурсантов туда не пускают, но я помнила ту лестницу, потому что тоже увидела дверь и заглянула за нее. Лестница там очень узкая, она шла почти отвесно вниз и терялась в темноте. Потом я узнала, что в то время, когда в монастыре была тюрьма, подземную часовню использовали как карцер.

– Должно быть, веселенькое местечко, – пробормотала я и вернулась к дневнику.

...Итак, Костя спустился вниз. Почувствовав, что ступеньки под ногами кончились, он перевел дух и огляделся. Впереди мерцал свет. Молодой товарищ прокурора осторожно двинулся в том направлении и вскоре оказался перед часовней. Совсем небольшая комната, метра три длиной и такой же ширины; на стене висела икона Спасителя, перед ней горела лампада... Слева в стене была ниша, и в ней стояла лампа, освещающая все пространство часовни: стены из огромных каменных блоков, которые сейчас казались грязно-серыми, по стенам кое-где стекали ручейки воды. Костя вдруг подумал, что часовня находится довольно глубоко под землей. Зачем она вообще здесь понадобилась? Насколько ему было известно, монахов хоронили на кладбище по соседству с монастырем, и ни о каких подземных пещерах, вроде тех, что есть в Псково-Печерском монастыре, он не слышал. Костя решил для себя, что непременно узнает, зачем здесь часовня.

Но эти мысли почти сразу его оставили, потому что все его внимание теперь было приковано к монаху, который зачем-то ползал по полу. Сначала Костя решил, что он усердно бьет поклоны перед ликом Спасителя, пока не услышал характерный звук: звякнуло железо, а потом полилась вода. И Костя понял, что звякает ведро, в которое монах опустил тряпку. А потом тот со старанием стал тереть пол из неровных потрескавшихся от времени каменных плит. Монах что-то бормотал себе под нос, ничего не замечая вокруг. Костя намеревался шагнуть в освещенную часовню и спросить монаха, что он тут делает. Хотя и так ясно что: оттирает плиты пола. Очень необычное занятие в такой час. А если учесть, что Никона, скорее всего, убили вовсе не там, где обнаружили труп, то не просто необычное, а очень может быть, что и преступное.

Только Костя собрался сделать шаг на освещенное пространство, как некто схватил его за руку. Костя едва не вскрикнул от неожиданности, но тот же некто успел зажать ему рот рукой и потащил ближе к лестнице, шепча на ухо:

– Ради бога, тихо, Константин Иванович.

Вскоре чужие руки его отпустили, но кто находится рядом с ним. Костя рассмотреть не мог, свет из часовни сюда не доходил, и он видел лишь темный силуэт, по рясе и головному убору сообразив, что это монах. А тот опять потянул его за собой, и на сей раз, Костя добровольно последовал за ним. Вот тут открылось нечто такое, на что Костя поначалу не обратил внимания. Точнее, не мог обратить, так как, спускаясь по лестнице, держался другой стороны. Прежде всего, лестница действительно оказалась очень длинной. Он потом сосчитал ступени – двадцать девять штук, причем крутых, почти по сорок сантиметров каждая. То есть выходило, что лестница длиной двенадцать метров и под землю она уходит никак не меньше, чем на восемь метров. (Я, прочитав это место дневника, мысленно присвистнула: «Ничего себе, высота двухэтажного дома!») И где-то посередине лестницы имелась площадка с правой стороны, а там дверь. Вот через эту дверь Костя и его спутник и вышли. И оказались в очередном коридоре, по-прежнему в темноте.

Костя смутно различал фигуру монаха рядом, но не решался к нему обратиться. А тот молчал, быстро шагая по коридору. Костя поспешал за ним, пытаясь понять, где они находятся.

И я тоже попыталась, вновь вернувшись к плану монастыря. Здесь меня ждало разочарование: ни двери, ни бокового коридора на плане я не обнаружила. Маловероятно, что мой

предок про нее выдумал, значит, дверь заложили за ненужностью, а куда вел коридор, остается только гадать.

Впереди показалась очередная дверь. Потом они стали подниматься по лестнице, пока не очутились в келье, являвшейся точной копией той, которую отвели для ночлега Косте. Монах, шагнув к столу, зажег лампу, и Костя наконец увидел его лицо: лицо аскета, с глубокими морщинами и темными глазами, которые смотрели скорбно и устало. Мохнатые брови придавали монаху сердитый и даже задиристый вид, чему противоречили и взгляд, и тихий ласковый голос. Сколько ему лет, предположить было затруднительно, может, сорок, а может, и больше, он был худ и сутул. Однако старческой беспомощности в нем не чувствовалось.

– Что же вы, Константин Иванович, так неосторожно... – со вздохом произнес монах.

– Вы меня знаете? – с некоторым удивлением, в свою очередь, спросил Костя. Монах кивнул:

– Видел, когда вы с отцом Андреем разговаривали. Я в соседней комнате находился, дверь-то открыта была. Вы, должно быть, внимания не обратили, а я вас хорошо разглядел и разговор слышал.

Костя кивнул и поинтересовался, что монах имел в виду, говоря, что он неосторожен. Разве ему, государственному чиновнику, следует здесь чего-либо опасаться? Потом, точно опомнившись, извинился и спросил, как должен обращаться к монаху. Тот представился. Звали инок Сергием, имя он принял в честь Сергия Радонежского. Затем он сообщил, что в этом монастыре более трех лет, и с прискорбием добавил: дела здесь в последнее время творятся отнюдь не божеские.

– Что же такое здесь происходит? – полюбопытствовал Костя, приглядываясь к Сергию. Тот усмехнулся:

– А вы здесь по какой надобности? То-то. Человека убили в святой обители! Видано ли такое? И не просто убили... – Тут Сергей вздохнул и с печалью посмотрел на Костю: – Вы один не вздумайте по монастырю ходить, особенно ночью. Не ровен час...

– Вы знаете, кто убил Никона? – перешел на шепот Костя.

Сергий покачал головой:

– Не знаю, но догадываюсь: приспешники того Антихриста, который здесь всем заправляет.

– Вы настоятеля имеете в виду? – насторожился Костя.

Монах вздохнул:

– Настоятель у нас святой человек, добр без меры, а теперь еще и стар, хвори разные его одолевают, трудно ему справляться с многочисленными обязанностями, вот Андрей и стал как бы за главного. А Никона убили, потому что он глазами и ушами настоятеля был, и теперь... – Монах вновь тяжело вздохнул. – Никто бы и не узнал об убийстве, Андрей бы придумал, как ото всех гибель Никона утаить, он на такие штуки мастер, но настоятель сам тело обнаружил и срочно велел в город человека отправить. А теперь Андрей будет всячески расследованию препятствовать и вполне способен на крайние меры.

– По-вашему, Никона убил отец Андрей? Из карьеристских, так сказать, соображений? – растерялся Костя.

– Ничего подобного, – покачал головой монах. – Конечно, Никона они ненавидели, потому что мешал он им, но все много хуже. Боюсь, брата Никона принесли в жертву Вельзевулу.

Тут Костя загрустил, потому что решил: с головой у монаха проблемы. Если в отношении бога у Кости все было не совсем ясно, то в чертовщину он точно не верил, считая рассказы о сатане бабкиными сказками и глупостью, недостойной современного человека. Нравствен-

ность народа должна поддерживаться верой, но Вельзевул – это уж форменная чепуха. Монах, должно быть, обратив внимание на перемены в лице собеседника, покачал головой:

– Думаете, я из ума выжил? Я поначалу тоже думал, что братия предается греху болтливости и глупым фантазиям, когда вокруг шептались о нечестивцах, святое место оскверняющих. Однако недолго я так думал... А вот, к примеру, чем, по-вашему, занят монах по имени Савл, которого вы в часовне застали?

– Пол моет, – настороженно ответил Костя. – Конечно, время не самое подходящее...

– Днем часовня была закрыта – настоятель распорядился, и ключи с собой забрал. Но Андрей, должно быть, как-то ключами обзавелся и послал Савла там все прибрать, чтобы вы чего-нибудь этакое там не обнаружили.

– Так зачем же вы меня оттуда увели? – нахмурился Костя. – Надо было Савла расспросить как следует...

– Бесплезное занятие. Он слабоумен, да еще глух. Если и укажет на отца Андрея, тот от всего отопрется, скажет, мол, по скудоумию Савл не так его понял.

– Значит, Никона принесли в жертву там, в часовне? – с большим сомнением уточнил Костя. Монах кивнул:

– Именно там они свои богопротивные собрания проводят.

Далее Костя услышал рассказ настолько же фантастический, насколько и правдоподобный. Явная фантастичность вроде бы не позволяла поверить в то, что подобное могло происходить в действительности, но некоторые факты, которые стали известны Косте, мешали ему раз и на всегда заключить, что Сергей спятил и выдает свои странные мечтания за реальность.

Все, по словам монаха, началось не далее как прошлым летом, когда в подвале, что рядом с часовней, обвалился свод. Сама часовня очень древняя, осталась от прежнего здания, новое возвели на старом фундаменте после пожара. Так вот, часовня эта предвляла покои, где находились захоронения мирских и духовных, особо послуживших богу и монастырю. Захоронения очень древние, после пожара помещение уже не использовали, так что с конца семнадцатого века туда редко кто заглядывал, хотя в часовне изредка служили и свечи ставили за упокой души усопших. Последние сто лет вряд ли кто вообще некрополь навещал – свод низкий, воздух до того спертый, что человеку там находиться нет никакой возможности. И вот свод рухнул. Позвали архитектора из города, и тот предупредил, что такое положение может вызвать обрушение всего здания, поэтому следует укрепить фундамент, для чего надобно разобрать завал. Работу поручили отцу Андрею, и он с ней блестяще справился. Под его руководством здание быстро отремонтировали, и опасность обрушения миновала. Но для обители обновление имело самые пагубные последствия. Сергей считал, что именно в некрополе Андреем была обнаружена богопротивная книга.

– Что за книга? – удивился Костя.

– Тут я многого рассказать не могу, – вздохнул Сергей. – Книга сия хранится у настоятеля, и он запретил даже упоминать о ней. Знаю, что меж собой Андрей и его сообщники называют ее «Наказ». Месяца три назад приезжал из Санкт-Петербурга какой-то профессор, очень желал книгу эту видеть и даже разрешение от Святейшего Синода предоставил, но настоятель, ласково поговорив с ним, отправил его ни с чем, сказав, что история с древней книгой не более, чем выдумка, никаких книг в некрополе не находили, да и нет там вовсе ничего, кроме камней да костей искрошенных, которые должным образом перезахоронили. А если бы и была найдена, какая древняя книга, настоятель сразу бы сообщил о том церковному начальству. В общем, зря профессор приехал. Никаких исторических реликвий монастырь не утаивал, хотя в монастырской библиотеке есть древние книги, по большей части подаренные богатыми мирянами, потому что старая библиотека, к великой печали, сгорела вместе с прежним монастырем.

– Так, может, в самом деле, нет никакой книги? – усомнился Костя.

– Есть, – покачал головой монах. – Никон ее видел и даже в руках держал.

– Но если книга богопротивная, почему настоятель ее, к примеру, не уничтожит или не передаст церковному начальству?

– Боюсь, что Андрей и его сбил с пути истинного. Он у нас образованный, а более того – хитроумный. Как пойдет языком плести – заговорит любого!

– А о чем та книга, Никон не говорил?

– Запутал я вас, Константин Иванович, – вздохнул Сергей. – Книга-то Библия и вроде самая обыкновенная, только старинная, а в ней этот самый «Наказ» спрятан. Вроде бы он – послание архимандрита Филарета настоятелю монастыря. А более я ничего не знаю.

– Помилуйте, – взмолился Костя. – Что же богопротивного может быть в послании архимандрита?

– В послании-то, может, и ничего. Все дело в том, как трактовать те или иные слова, – глубокомысленно ответил Сергей. – Андрей у нас человек, более занятый мирскими заботами, чем спасением своей души. И возле него такие же собираются. Последнее время зачастил к нам настоятель Свято-Никольского монастыря, и вот запрутся они у отца Андрея и о чем-то беседуют. Хотя не беседовать им надобно, а неустанно молиться. А сам отец Андрей не более чем восемь лет назад был офицером. Ждать от такого человека смирения – труд напрасный.

– Но ведь что-то его привело в монастырь? – вступился за отца Андрея Костя.

– Конечно. Только смирения в нем как не было, так и нет. И в голове одно мирское. А такой любое слово извертит себе в угоду.

– Но ведь не думаете же вы, будто в «Наказе» говорилось о том, что надо дьяволу служить? – вздохнул Костя в очередной раз.

– Андрей свою веру придумал, – ответил Сергей. – Вроде секты. И поклоняются они вещам богопротивным, про то я знаю совершенно точно. И ересь свою они по монастырям разносят, заманивая в силки слабые души. Ездил Андрей и в Александровский монастырь, и в Троицкий, и везде находил единомышленников, о чем мне доподлинно известно. Боюсь, покровители у них имеются в самых высоких кругах, оттого Андрей и бесчинствует, ничего не боится.

– По-вашему, Никона они принесли в жертву, исповедуя какой-то бесовский культ? – Косте даже предположение подобное казалось до того глупым, что никакой критики не выдерживало.

Но Сергей был непреклонен.

– А я вам докажу. Я не зря за ними следил и теперь точно знаю, где они держат богопротивные амулеты свои, которым поклоняются. Ежели я вам представлю доказательства, вы мне поверите?

Костя сказал, что поверит, скорее для того, чтобы отделаться от монаха. К тому моменту он уже едва на ногах стоял, от усталости и бессонницы мысли в голове путались, хотелось лишь одного: поскорее лечь спать. И он попросил Сергея проводить его до отведенной ему кельи (без помощи отыскать ее Костя бы просто не смог, тем более в темноте).

Костя был уверен, что уснет мгновенно, но не тут-то было. То ли непривычно жесткое ложе не способствовало сну, то ли слова Сергея произвели, куда большее впечатление, чем он предполагал. Конечно, рассказ фантастический, однако Костя, в недавнем прошлом столичный житель, был в курсе новомодных увлечений. В бога, похоже, сейчас уже никто не верил, и каждый искал свой путь. Спиритизм, экзотические культы и даже поклонение дьяволу нынче стали в большом ходу. Однажды и сам Костя присутствовал на черной мессе, устроенной в шутку, но шутка оказалась явно дурного тона. Были там и обнаженная девственница, и даже Сатана в козлином обличье, то есть мужчина, облачившийся в козлиную шкуру и водрузивший на голову рога. Воспоминания о том, что «сатана» проделывал с девственницей, до сих пор вызывало у Кости краску стыда. Правда, впоследствии выяснилось, что никакая она была не девственница, а швея Ниночка Коротыгина, жившая попеременно, почитай, со всеми студен-

тами-медиками, которые при ее худобе еще и анатомию по ее телу изучали, но все равно было неприятно и очень стыдно.

С этими мыслями Костя и встретил рассвет. В узкой келье темнота начала медленно таять, теперь стало возможным различить противоположную стену и колченогий стол. За окном серело, а Костя так и не сомкнул глаз. Жизнь в монастыре начиналась рано, и он прислушивался к звукам, доносившимся с улицы: вот кто-то прошел под окнами, и вновь все стихло, затем послышались шаги в коридоре. Крадучись, кто-то прошмыгнул мимо, замерев на мгновение прямо напротив его двери. Костя нахмурился, прислушался и вскоре опять различил шаги, торопливые, но осторожные, и вновь человек замер возле его двери, а вслед за тем в дверь постучали, и Костя услышал вкрадчивый голос:

– Константин Иванович...

Костя вскочил, решив, что вернулся ночной знакомец Сергей, и стал поспешно одеваться, жалея, что не сделал этого раньше. Но открыть дверь не одетым он счел для себя неприличным, а потому сказал негромко:

– Иду, иду, одну минуту...

Но человек, стоявший за дверью, кинулся бежать, уже не таясь. Чертыхаясь, что, условно, не приличествовало святому месту и говорило о крайнем волнении и досаде, Костя бросился к двери. Но она оказалась заперта! Поначалу его это удивило, а потом испугало, ведь замки на дверях келий отсутствовали, и тому, что дверь невозможно открыть, должно быть объяснение. Причем возможно лишь одно: кто-то не желал, чтобы он мог выйти, и чем-то подпер дверь с той стороны. Вряд ли это сделал Сергей, а то, что он поспешно удалился, скорее связано с появлением какой-то опасности, и опасность должна быть весьма существенной, если его, Костю, решили на время нейтрализовать.

Вот какие мысли вихрем пронеслись в его голове, и он, забыв о приличиях, закричал во всю мощь легких:

– Василий Лукич, на помощь!

Василием Лукичом звали Никифорова, и тот, к счастью, услышал отчаянный вопль, хоть и находился в другом крыле. Надо сказать, ночью ему тоже не спалось, и он в столь ранний час был уже на ногах. Более того – следовал как раз по коридору в сторону кельи, отведенной Константину. Не желая беспокоить своего юного товарища, Никифоров намеревался осмотреть монастырь до приезда доктора, но Костин вопль его напугал, и он побежал на зов, а потом замер в недоумении, заметив, что дверь кельи подперта суковатой палкой. Через мгновение он уже распахнул дверь и увидел испуганное лицо Кости.

– Что происходит? – спросил растерянно, на что Костя ответил невнятное:

– Вот туда..., нет – туда... – И покрутил головой, пытаясь решить, в какой стороне скрылся Сергей.

Никифоров наблюдал за коллегой с беспокойством. И тут монастырскую тишину взорвал еще один крик, пронзительный, отчаянный, от которого холод подступил к сердцу.

– Это там, – первым вышел из столбняка Никифоров, и оба бросились по коридору в сторону крытой галереи.

Через несколько минут они стали свидетелями удручающего зрелища. Галерея располагалась довольно высоко над землей, монастырский двор был вымощен камнем, и сейчас там, внизу, раскинув руки, лежал человек в черной монашеской одежде. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: человек мертв. Лежал он неподвижно, и отсюда, сверху, более напоминал сломанную куклу. По каменной плите от виска монаха стремительно растекалось кровавое пятно, темная густая кровь казалась ненастоящей. Возле тела стояли трое монахов и испуганно жались друг к другу. К ним быстро подошел отец Андрей, наклонился к телу, и тут раздался голос Никифорова:

– Еще один убиенный? – Голос звучал насмешливо и зло, что, безусловно, не соответствовало трагичности момента.

Отец Андрей выпрямился и, не скрывая гримасы отвращения, поднял голову вверх.

– Стойте здесь, – шепнул Никифоров Косте, а сам направился к лестнице, которая началась метрах в пяти от того места, где они стояли.

Костя поначалу удивился его словам, но потом понял, что Никифоров просто не желал оставлять святых отцов без внимания, а если бы они отправились сейчас вниз вместе, то на какое-то время двор скрыла бы от них стена, возле которой и находилась лестница. Конечно, Костя считал, что такое явное недоверие со стороны Никифорова к монахам выглядит едва ли не оскорблением, однако он вынужден был признать: недоверие все-таки не лишено оснований, раз это уже второй случай внезапной смерти.

Костя даже хотел произнести слово «убийство», но поостерегся, ведь обстоятельства смерти еще не ясны. Но коли трупы уже есть, а подозреваемых еще нет, то есть, среди людей мирских нет подозреваемых, значит, как ни прискорбно, подозревать придется монахов. В общем, он тут же простил Никифорову его невоспитанность и даже приказной тон и остался стоять на месте, ожидая, когда тот спустится к трупу.

Никифоров наклонился к распростертому телу и задал собравшимся вопрос, присутствовал ли кто из них при печальном происшествии, и что они могут по этому поводу сообщить.

Оказалось, что все трое прибежали сюда, услышав крик, и о самом происшествии ничего поведать не могут.

Отец Андрей высказал предположение, что имел место несчастный случай – Сергей поскользнулся на галерее и, не удержавшись на ногах, рухнул вниз, да так неудачно, что разбил голову. Костя перегнулся через перила, желая проверить данное утверждение. Чисто теоретически Сергей мог и поскользнуться, и даже упасть, но..., должен был здорово постараться. Хотя чего в жизни не бывает? Однако на ум приходила другая версия: кто-то монаху помог упасть. Место, чтобы с ним разделаться, приди такое кому в голову, самое подходящее: мрачный коридор переходит здесь в крытую галерею, и как раз на месте перехода имеется ниша в стене, где злодей мог укрыться, подкрасться сзади и столкнуть Сергея вниз. В пользу данной версии говорило поведение Сергея – он пришел к Косте, но, услышав чьи-то шаги, поспешил уйти, не желая, чтобы его застали возле кельи Кости. Злоумышленник, преследуя его, заблокировал дверь кельи. Костя не мог выйти и не помешал осуществлению коварного замысла. Возможно, злоумышленников было двое, и второй действительно поджидал в нише, хотя преследователь просто мог догнать Сергея здесь и напасть на него вполне открыто.

– И часто у вас в монастыре люди со стен падают, поскользнувшись? – саркастически спросил Никифоров.

Отец Андрей не удостоил его ответом.

– Надо сообщить настоятелю, – тихо заметил один из монахов. Отец Андрей, сурово взглянув на него, кивнул:

– Я сообщу.

Костя спустился вниз. Никифоров уже начал осмотр трупа под леденящим взглядом Андрея. На Сергии поверх монашеского одеяния была еще фуфайка. Осторожно приподняв тело погибшего, Никифоров провел по ней рукой, нахмурился, затем поспешно ее расстегнул и извлек из внутреннего кармана фуфайки необыкновенный предмет. Необыкновенный для монаха, хотя и сам по себе он заслуживал внимания. В руках Никифорова появился кинжал. Двое из монахов, стоявших по соседству, шарахнулись в сторону, издав испуганный вопль, а отец Андрей нервно дернул плечом, что не укрылось от внимания Кости. Вне всякого сомнения, кинжал Андрей видел не в первый раз, очень может быть, именно его и хотел изъять до появления Никифорова с Костей, да не успел, о чем теперь весьма сожалел.

– Занятно... – произнес Никифоров, протягивая кинжал Косте. – Что скажете?

Костя разглядывал кинжал, поражаясь тонкой работе мастера. Кинжал мог бы считаться произведением искусства, если бы не был опасным оружием. В этом Костя смог убедиться, проведя рукой по узкому лезвию. На рукоятке с одной стороны распятие, а с другой – имя Марк, символ евангелиста Марка – лев и надпись: «Рука твоя – рука Божья».

– Вам эта вещь знакома? – обратился Никифоров к Андрею. Тот предпочел промолчать, на что опять-таки обратил внимание Костя. – Не из-за этой ли занятой вещицы лишился жизни сей инок? – продолжил Никифоров, пристально глядя на монаха.

– Вздор, – ответил тот и еще больше нахмурился.

– Вот как? Тогда, может, соблаговолите объяснить, почему убитый носил с собой кинжал, который мало приличествует его духовному званию?

Вот тут на ум Косте и пришли слова, сказанные ночью Сергием: что в обители творятся дела греховные, что братия во главе с Андреем поклоняется Сатане, доказательства чего он и обещал представить Косте. Выходит, кинжал доказательство и есть? Правда, ничего сатанинского в кинжале Костя не видел. Разумеется, монаху не пристало ходить с кинжалом, спора нет. Распятие на рукоятке не такая уж редкость, хотя имя евангелиста и его символ наводили на размышления. Впрочем, Костя не считал себя сведущим в этой области. Может, хозяина кинжала звали Марк, а лев – вовсе не символ евангелиста, а просто украшение, изображения зверей на рукоятках оружия отнюдь не редкость. «Сатанинскому оружию больше бы подошло изображение сатира», – мысленно вздохнул Костя, хотя и тут знатоком себя не считал.

– Я сообщу обо всем настоятелю, – сказал отец Андрей и направился к лестнице. Монахи, на мгновение замешкавшись, тоже покинули двор.

– Да... – сказал нараспев Никифоров, проводив их недобрым взглядом, – темнят святые отцы...

– Вы думаете, его убили? – прошептал Костя.

– А вы думаете, он по неосторожности сам разбился?

Костя так не думал. Более того, ему не терпелось рассказать Никифорову о своем ночном приключении, но, оглянувшись, он решил с этим повременить, потому что к тому моменту во дворе собрались все обитатели монастыря или их большинство. Они стояли суровые, молчаливые, на почтительном расстоянии, не рискуя приблизиться, и от этого Косте сделалось не по себе. Он счел за благо удалиться.

Никифоров хмуро оглядывался, пока они вдвоем шли по галерее, и бурчал под нос ругательства. Только когда дверь кельи за их спинами закрылась, Костя почувствовал себя в относительной безопасности и тут же поведал Никифорову о событиях прошедшей ночи. Тот слушал с мрачной миной, иногда качал головой, точно с чем-то не соглашаясь, вопросов почти не задавал и все больше хмурился.

– Да-а... – протянул он с печалью, когда Костя замолчал, – история... Очень может быть, что Сергей прав и братия занята неблагоприятными делами.

– Конечно, прав! – горячился Костя. – Оттого и погиб!

– Думаете, его убил кто-то го монахов?

– Но ведь такой вывод сам напрашивается! Его подкараулили и убили. Потому что он похитил у них кинжал, доказательство их виновности. И Никона убили – он стал для них опасен. Сергей сказал, тот был доверенным человеком настоятеля...

– Что ж, – со вздохом перебил Никифоров, – если все так, нам следует быть очень осторожными. У них свое начальство, пусть оно и разбирается, что здесь творится. Вот если бы кто проник в монастырь и совершил здесь преступление – это нашего ума дело, а лица духовного звания... Избави бог попасть в такой переплет, как мы с вами, Константин Иванович! Виноватых и без нас сыщут, а нам бы доктора дожидаться и поскорее в город. Доложим начальству, а уж оно пусть само решает...

Никифоров вздохнул с таким несчастным видом, что Костя понял: он считает ситуацию настолько неприятной и даже опасной для себя, что вряд ли решится предпринять какие-либо шаги. Косте же, напротив, очень хотелось докопаться до истины.

– Василий Лукич, – позвал он, – думаю, нам бы следовало заглянуть в часовню.

– Не вижу смысла. Ежели там и было что подозрительное, то, наверное, уже убрать успели. А то, что мы с вами в святом месте обыск учинили, навлечет на нас сильнейшее неудовольствие духовного начальства, а там и до нашего начальства дойдет. Увольте, Константин Иванович, я туда не ходок, и вам, батенька, не советую.

В часовню Костя все-таки заглянул. Небольшое помещение тонуло в темноте, лампадка освещала только лик на иконе. Костя с опаской огляделся: чувство возникло такое, будто за ним наблюдают. Обследовал нишу, которая оказалась совершенно пустой, даже камни ощупал на предмет какого-либо тайного места. И с неудовольствием должен был признать, что только зря теряет время.

Он вернулся к Никифорову, который завтракал в покоях настоятеля. Не успели они выпить чаю, как приехал доктор – шумный, тучный господин, который вечно куда-то спешил, говорил коротко и резко. Выслушав Никифорова, он отправился взглянуть на труп Никона. Костя, почувствовав дурноту, вышел в монастырский двор, но вскоре Никифоров его позвал. Новость, которую он сообщил, повергла Костю в раздумья, хотя и не удивила. Доктор высказал предположение, что Никон вполне мог быть зарезан тем самым кинжалом, что хранился сейчас у Кости. Раны на теле позволяли считать почти установленным такой факт: Никон был убит острым предметом с длинным тонким лезвием, то есть кинжалом.

«Значит, все, что сказал Сергей, верно, – думал теперь молодой товарищ прокурора. – Неужели Никона действительно принесли в жертву? А потом расправились с самим Сергием. Но как убийцы надеялись утаить факт смерти Никона? Нет, логичнее предположить, что убили его вынужденно, когда он застал нечестивцев за каким-то неблагоприятным занятием. Убили, например, в часовне, а затем перенесли труп, но кто-то спугнул злоумышленников по дороге, и они оставили труп на пороге кельи».

Доктор с таким предположением согласился. Происшествие в монастыре не сильно его взволновало, он торопился поскорее выполнить свои обязанности.

Затем пришло время осмотра тела Сергия. И тут доктор отверг версию о возможном несчастном случае, заявив, что кто-то сначала ударил монаха по голове, а уж затем сбросил с галереи. Остаться до обеда доктор отказался и, сославшись на дела, уехал.

– Нам здесь тоже больше делать нечего, – проворчал Никифоров.

– Как же нечего, когда два убийства... – начал Костя и услышал в ответ:

– Поверьте моему опыту: нам от этого дела лучше держаться подальше. Доложим начальству, а там видно будет.

Пока они вели свой разговор, пришел монах и сообщил, что их хочет видеть настоятель монастыря.

Настоятель выглядел больным и старым. Выцветшие глаза смотрели с печалью, говорил он тихо, то и дело заходясь в кашле. Никифоров коротко обрисовал ситуацию, косясь на Андрея, который был тут же в комнате, стоял рядом с креслом настоятеля, сурово хмурясь. Никифоров закончил рассказ, утаив от настоятеля ночной разговор Кости с Сергием и его обвинения в адрес части братии, что они, мол, поклоняются дьяволу. Старик покачал головой, закрыл глаза и так сидел довольно долго. Костя было решил, что он уснул, но тут игумен наконец заговорил. Особо интересной его речь Косте не показалась, в основном это были сетования на грехи, признания справедливости Божьего гнева и заверения, что он делает все, чтобы помочь следствию найти убийцу. Андрей кивал с самым смиренным видом, но при одном взгляде на эту пару становилось ясно, кто в действительности верховодит в монастыре. Налицо было разделение монастырских на тех, кто шел за отцом-экономом, и на тех,

кто сохранял лояльность к настоятелю. Смерть Никона утаить не удалось, так как он был ближайшим помощником настоятеля. Именно настоятель распорядился дать делу ход, но теперь и он, похоже, сожалел об этом.

Косте тяжело было видеть больного старика, которым умело манипулировали. А может, старик был прекрасно осведомлен о делишках Андрея, просто воспрепятствовать ему, увы, не мог и вынужден был терпеть, находясь в стенах монастыря, точно в тюрьме, под неусыпным взглядом все того же Андрея.

И все-таки Костя не преминул задать ему несколько вопросов. И начал разговор с кинжала, который принес с собой. Старик с таким неподдельным удивлением разглядывал кинжал, что сразу было понятно: ничего он о нем не знает, ранее никогда не видел и, разумеется, недоумевает, как кинжал мог оказаться у Сергия. Тогда Костя спросил о недавно найденной книге, в которой обнаружилось послание архимандрита Филарета, так называемый «Наказ». Настоятель ответил, что, в самом деле, есть у них Библия, изданная в семнадцатом веке, и в ней письмо Филарета тогдашнему настоятелю монастыря. Как послание оказалось в книге, неизвестно, переплетчик подшил его вместе с остальными листами. Книга хранится в монастырской библиотеке, и если господа хотят взглянуть на нее... Костя захотел, несмотря на то, что Никифоров намекнул, что им пора отправляться в город.

В библиотеку Костя отправился в сопровождении Андрея, тот лично вручил ему книгу в сафьяновом переплете, и Костя смог убедиться, что ничего особенного в ней нет, кроме того, что переплетчик по невнимательности или по какой другой причине подшил в книгу листы с письмом Филарета. Пожелтевшие листы, казалось, готовы были раскрошиться от древности. Чтобы прочитать письмо, Косте пришлось обратиться за помощью все к тому же Андрею, но содержание послания было самым, что ни на есть обыкновенным и касалось монастырских дел. При всем желании Костя не только не мог заприметить в письме ничего подозрительного, но даже особо примечательным оно ему не показалось и могло представлять интерес разве что для историков.

Андрей охотно пояснил, что письмо много старше самой книги, как оно оказалось в ней – загадка, и тут же высказал предположение, что кто-то из мирских лиц заказал новый переплет для Библии монастырскому мастеру и тот по невнимательности подшил письмо, которое хранилось среди монастырских бумаг. На вопрос, где была обнаружена книга, Андрей с удивлением ответил, что она хранилась в библиотеке. Ни о каких находках в некрополе он не слышал. Разумеется, Костя понимал: кто-то из двоих, Андрей или Сергий, говорит не правду, и склонен был считать, что не правду говорит как раз Андрей, хотя возможности уличить его во лжи не имел. Однако он поинтересовался, правда ли, что в монастырском подвале существовал некрополь. Андрей терпеливо объяснил, что до пожара, который произошел в семнадцатом веке, действительно под плитами собора хоронили лиц духовных и мирских, в основном из родовитых семей, которые оказывали монастырю помощь и чья набожность заслуживала уважения.

– В то время подобное являлось обычным делом, – добавил Андрей, и Костя вынужден был с ним согласиться.

Насколько известно Андрею, последнее погребение произошло за несколько недель до пожара, в результате которого старый храм рухнул, и только через двенадцать лет на прежнем фундаменте начали возводить новый. Поразмыслив, Костя пришел к выводу, что книга вполне могла оказаться в некрополе в одном из последних захоронений. Время издания книги подходящее, правда, непонятно, зачем ее там положили. «Язычество какое-то», – мысленно буркнул он, однако вслух говорить такое поостерегся.

Как же письмо оказалось в книге? Допустим, прежний переплет просто не понравился владельцу, и он заказал новый. Переплетная мастерская наверняка имела в монастыре, вон здесь какая библиотека, и мастер действительно мог по ошибке подшить письмо Филарета. Но

если Андрей говорит не правду, и в некрополе обнаружили совсем другую книгу? А Андрей, не желая привлекать к ней внимание, подсовывает сейчас эту историческую реликвию? Тут еще одна мысль пришла Косте в голову: а что, если письмо в книге появилось недавно и не без участия Андрея?

Какой бы фантастической ни была последняя идея, Костя всерьез ею увлекся. Переплет, без сомнения, старый, но в такой библиотеке старый переплет не редкость и древние рукописи могли сохраниться, несмотря на пожар. Помнится, Андрей говорил, что много книг пострадало, потому что библиотека была недалеко от храма, но ведь что-то могли и спасти. А для хорошего мастера снять переплет с одной книги и использовать его для другой труда не составит.

Костя почувствовал дрожь в пальцах, так ему хотелось проверить свою догадку, но проклятый Андрей не отходил от него ни на шаг, а тщательно разглядывать книгу при нем Костя посчитал неудобным: эдак тот поймет, что Костя усомнился в его словах и догадался, в чем дело. В конце концов, Костя собрался уже, наплевав на Андрея, заняться изучением книги, но тут за монахом пришли – его требовал к себе настоятель. Андрей вопросительно взглянул на Костю, но тот сказал, что намерен еще некоторое время посвятить изучению письма, и Андрей вынужден был уйти.

Только за ним закрылась дверь, как Костя приступил к тщательному осмотру. Очень скоро старания его увенчались успехом, но результат оказался вовсе не таким, как он ожидал. Невозможно, чтобы книгу переплетали недавно, признал он, и тут увидел..., да, вне всякого сомнения, в книге отсутствовало несколько листов, кто-то очень аккуратно их срезал, но следы все-таки остались. За письмом Филарета были подшиты еще какие-то листы, которые к книге отношения не имели, по крайней мере, к этой, потому что повествование не прерывалось. Значит, кто-то выкрал из книги несколько страниц, но с какой целью? Разумеется, с той, чтобы случайный человек не мог их увидеть, значит, они содержали что-то важное.

Костя был уверен, что это сделал Андрей. Конечно, листы могли исчезнуть и раньше, но Костя интуитивно чувствовал, что он на верном пути. Кто-то спрятал в книге два письма Филарета. В одном, которое сейчас перед Костей, нет ничего необычного. На первый взгляд, по крайней мере. А что было во втором? Тот самый «Наказ»? Допустим. Но что такого в нем могло содержаться? Повеление служить черные мессы? Чушь. Но тогда что? И как этот наказ связан с кинжалами, а главное – с убийствами?

Костя был так взволнован, что не мог усидеть на месте, вскочил и начал нервно ходить по библиотеке. Вот тогда его внимание и привлекли некие бумаги, лежавшие на столе возле окна. Костя приблизился и сначала просто окинул их взглядом. Несколько книг, а под ними листы бумаги... Сдвинув книги в сторону, Костя прочитал первый абзац на верхнем листе, написанный ровным красивым почерком: «Для имени Иисуса ничто не является враждебным, кроме порока и зла. Призовите его имя, во спасение себя и близких. Призовите имя Иисуса, и пусть уйдет тот, кто не может вынести его». «Ничего интересного, – с некоторым разочарованием решил Костя, – должно быть, кто-то готовился к проповеди». Но то, что было написано далее, его вдруг заинтересовало. «Утвердись в вере и, положившись на Господа, имей оружие не только духовное, но и телесное. И если Сатана в облике человека, разве не обязан ты уничтожить его оружием людей, призвав в помощь слово Божье». И далее: «Дьявол любит являть себя миру в ярких одеждах, поражая заблудшие души, он может явиться спасителем и помазанником божьим и сладкими речами совратит людей с пути правды, приведет их на путь лжи, а они будут ликовать и кричать «аллилуйя» вместо "изыди", и многие поклоняются им, как самому Господу, ибо не ведают, что творят». Под этими словами, которые, судя по всему, являлись цитатой из какого-то церковного труда, стояла приписка: «Как это верно. И как современно звучит».

Следующая цитата особенно заинтересовала Костю: «Будешь ты оружием Господа, его щитом и мечом, стеной нерушимой на пути Антихриста...» Костя достал аккуратно сложенный лист папиросной бумаги и сравнил текст: так и есть, все слово в слово. Тут дверь за его спиной скрипнула. Костя повернулся и увидел Андрея.

– Я вижу, вы уже закончили? – без намека на любезность спросил монах, входя.

Костя смутился и поспешно кивнул. Он даже покраснел, такой непереносимой ему показалась мысль, что Андрей застал его за чтением чужих бумаг. Андрей приблизился, мельком взглянул на лежащие на столе листы и вроде бы успокоился. По крайней мере, его следующие слова не звучали уже столь сурово. Он поинтересовался, удовлетворил ли Костя свое любопытство, и Костя ответил уклончиво, а затем указал Андрею на недостающие, по его мнению, страницы в книге. Тот внимательнейшим образом изучил аккуратный срез и, пожав плечами, ответил в том смысле, что если и имели здесь место какие-то страницы, то ему об этом ничего не известно. Когда он сам впервые увидел книгу, она выглядела точно так же, как и сейчас.

Кстати, Андрей оказался вполне светским собеседником, и разговор с ним вышел занятым, пока Костя не сообразил, что свое красноречие тот расточает не просто так, а с определенной целью: расположить молодого человека к себе. И наконец монах поинтересовался, что Костя намерен делать с кинжалом. Костя с удивлением ответил: раз кинжал является уликой в деле об убийстве, то должен быть приложен к делу, иными словами, он забирает его с собой. Андрей вроде бы хотел возразить, но не решился. Несколько раздосадованный, Костя задал свой вопрос, достав лист папиросной бумаги и протянув отцу Андрею:

– Я обнаружил это в келье Никона. Не соблаговолите объяснить, что сие может быть?

Андрей со всей серьезностью отнесся к вопросу, внимательно осмотрел листок, на мгновение что-то вроде удивления промелькнуло в его лице, прочитал текст и вернул Косте.

– Похоже на псалом, только цитируется весьма вольно. «Будешь ты оружием Господа...» Да, один из псалмов.

– А поточнее вы сказать не можете?

– К сожалению, я не так силен в Священном Писании, как хотелось бы, – ответил Андрей и покраснел – стыдась то ли своей некомпетентности, то ли вранья.

– Скажите, Никон часто посещал библиотеку?

Андрей нахмурился и покосился в сторону бумаг, возле которых застал Костю.

– Не могу вам ответить. Справьтесь у библиотекаря. Но сегодня, к сожалению, это невозможно. Он болен.

– Что ж, благодарю.

Они вместе покинули библиотеку. Никифоров уже ждал Костю во дворе. Следовательно сообщил, что лошади готовы, и они могут ехать. Косте уезжать очень не хотелось, напротив, он бы задержался здесь и допросил монахов, но Никифоров упрямо твердил: «Не нашего ума дело», и уже через десять минут они отправились в дорогу. Кинжал был завернут в кусок ткани, и лежал теперь в Костином портфеле.

День выдался солнечный, дорога успела подсохнуть, и обратный путь не показался таким мучительным. Всю дорогу Костя развивал перед Никифоровым свои идеи касательно убийств. О своей находке – о том, что из книги вырезаны какие-то страницы, он, конечно, тоже рассказывал. Но Никифоров точно воды в рот набрал. А если и отвечал что, так только надоевшее уже Косте «начальству виднее» и «не нашего ума дело», все время зевал, а потом и вовсе уснул, нервно вздрагивая на дорожных ухабах, и временами даже похрапывал.

Костя же ни о чем, кроме кинжала, убийств и таинственного «Наказа», думать не мог. Андрей казался ему очень подозрительным, и молодой юрист, не церемонясь, записал его в главные злодеи. Вот только предполагаемое служение дьяволу в святой обители все же представлялось сомнительным. Но если сие сомнительно, то как еще можно объяснить убийства? Интуитивно Костя догадывался, что разгадка как-то связана с кинжалом. Но как? И вообще,

что за странное оружие? Он вспомнил слова псалма. Если верить Андрею (впрочем, верить ему молодой человек был не склонен), речь в нем шла о том, чтобы противостоять дьяволу, а никак не о служении ему. Что же такое желают скрыть монахи во главе с Андреем, решившись на крайние меры – убийство, что для верующего человека смертный грех? Значит, предполагаемая цель должна быть важнее, чем спасение собственной души?

* * *

В город они вернулись ближе к вечеру. Никифоров сказал, что доложит начальству о результатах поездки, а Костя, простившись с ним, отправился на Гончарную, где жил известный в городе чудака Порфирий Иванович Алмазов, преподаватель истории и местный краевед.

Известность ему принесли затеянные им несколько лет назад раскопки древнего кургана в двух верстах от города. От них ожидали немалых чудес, поговаривали о захоронении какого-то степного царя и даже шептались о несметных сокровищах, вроде тех, что удалось раскопать Шлиману в пресловутой Трое. Губернские газеты со дня на день обещали сенсацию, и даже в столичной прессе было упоминание о «грядущей разгадке» древних тайн, но, в отличие от Шлимана, преподавателю гимназии не повезло, находки были, но публику они не впечатляли: черепки да наконечники стрел, хотя Алмазов и утверждал, что с точки зрения истории они не менее ценны. После этого казуса Алмазов стал в городе фигурой комической, потешались над ним и стар и млад, хотя он того и не заслуживал, будучи человеком образованным и даже по своему талантливый.

Еще одной бедой его была неказистая внешность, которая, как нельзя кстати, подходила горе-археологу. Высокий, худой до жути, он более напоминал скелет, что хранился в шкафу гимназии. К тому же учитель носил очки, которые вечно соскальзывали с его крохотного острого носика. Малость этого органа на его лице с лихвой компенсировали уши, торчавшие наподобие самоварных ручек, причем одно было расположено значительно выше другого. Пытаясь их прикрыть, Алмазов носил длинные волосы, которые жидкими прядями падали на плечи. Гимназисты прозвали учителя «огородным пугалом», хотя и любили за незлобивость и интересные истории, без которых не проходил ни один урок.

Костя свел с ним знакомство несколько недель назад и безмерно уважал за знания, которыми сам похвастать не мог. Сейчас, отправляясь к историку, он очень надеялся, что Алмазов сможет рассказать ему нечто, проливающее свет на происхождение кинжала, если вещь эта действительно историческая.

Алмазов его встретил с большим радушием. Жил он со старушкой-матерью, и та напоила Костю чаем. Наконец он приступил к объяснению цели своего визита. Рассказать об убийствах в монастыре он долго не решался, но потом рукой махнул: все равно вскоре вся округа о них узнает. В провинции, как он уже понял, никакой секрет не может быть секретом более двух дней.

После довольно долгой прелюдии Костя показал Алмазову кинжал. Тот чрезвычайно возбудился, взяв его в руки, вертел и так и эдак, разглядывал сквозь увеличительное стекло, после чего вынес вердикт: вещь старинной работы, по каким-то одному ему ведомым деталям определил – никак не позднее шестнадцатого века, шумно и много твердил о необыкновенной находке, строил предположения, как кинжал мог оказаться у монахов. Но по существу вопроса: «Что ж это за кинжал такой?» – ответить не мог. Ничего подобного ранее ему встречать не приходилось. Странностью показалось ему имя и символ евангелиста на рукоятке, хотя посеребренное оружие с надписями, конечно, не редкость. Костя уже вконец отчаялся, и тут Алмазов, замерев посреди комнаты (до этого момента он бегал по кругу, размахивая в волнении руками), ткнул пальцем в потолок и с помутневшим взором изрек:

– Пойдите... – Костя вздохнул, а Алмазов бросился к книжному шкафу, откуда начал лихорадочно извлекать какие-то бумаги. – Вашему кинжалу место не в монастыре, а в краеведческом музее, – провозгласил он.

Краеведческий музей открыли в городе еще в 1903 году, и был он гордостью горожан, потому что экспонаты там хранились действительно уникальные. Но сейчас музей Костю вовсе не занимал, он с нетерпением ждал, когда Алмазов отыщет что-то в ворохе бумаг.

– Вот! – наконец обрадовано воскликнул Порфирий Иванович и протянул гостю лист бумаги, исписанный неровным почерком, который, по мнению Кости, понять было невозможно.

– Позвольте, я сам, – смутился Алмазов. – Это выдержка из одной монастырской летописи, которую я обнаружил несколько лет назад. Прелюбопытнейший факт! – прокомментировал он и, наконец, стал читать.

В отрывке сообщалось, что в ноябре 1583 года настоятель Троицкого монастыря вызвал к себе оружейника Кузьму, что проживал в посаде нынешнего губернского города. (Троицкий монастырь, кстати, тот самый, куда, по словам Сергия, в последнее время зачастил Андрей, отметил для себя Костя.) Так вот, Кузьма прибыл и по приказу настоятеля изготовил в монастырской кузне семь кинжалов, причем в отрывке было сказано, что из серебра, но автор, скорее всего, имел в виду какой-то сплав. Перед тем как приступить к работе, Кузьма неделю постился и молился вместе с настоятелем.

Я тут же вспомнила, что Андрей Рублев, прежде чем приступить к написанию иконы, тоже долго постился, и решила, что подобная набожность свидетельствует о том, что настоятель, вызывая к себе оружейника, имел в виду цель не только важную, но и, безусловно, богоугодную. Но вернемся к рассказу моего прапрадеда.

Итак, пробыв в посте и молитве неделю, оружейник приступил к работе и, по словам летописца, изготовил семь кинжалов из серебра. Летописец отмечал необыкновенное мастерство и красоту оружия, за работу Кузьма получил небывалое по тем временам вознаграждение. Далее сухо сообщалось, что по дороге в город на Кузьму напали разбойники, деньги отобрали, а его самого зарезали.

– Очень интересно, – пробормотала я и потянулась к очередному бабушкиному пирогу.

Примерно то же самое сказал мой прапрадед, когда Алмазов закончил читать отрывок.

– Мне эти кинжалы долгое время покоя не давали, – довольно хихикая, заметил Алмазов. – Зачем они могли понадобиться настоятелю? А он, заметьте, приглашает лучшего в округе мастера и на вознаграждение не скупится. А что, если ваш кинжал как раз и есть один из тех семи?

С одной стороны, предположение за уши притянуто, раз нет в летописи описания изготовленных кинжалов. Да и в том, что кинжал, лежавший сейчас на столе, такой древний Костя вовсе уверен не был. А ну как Алмазов напутал или еще того хуже – присочинил? Может, и не зря он слывет фантазером? С другой стороны, сделать такое предположение вполне логично. Почему бы и нет? Настоятель призывает мастера изготовить оружие с непонятной целью, а потом некий кинжал оказывается в монастыре всего в нескольких верстах от Троицкой обители. И ранее никто об этом кинжале не слыхивал, и о других, похоже, тоже ничего не известно. Вот и выходит, что хранили его как реликвию. А о значении знали лишь немногие. Отец Андрей, к примеру. Но неужто из-за реликвии можно на убийство пойти, да еще людям духовным? Нет, что-то тут не так. Опять же: кинжалов было семь, а евангелистов, как известно, четверо. Каковы же были еще три кинжала?

Эти вопросы не давали покоя Косте, но получить на них ответы здесь он более не надеялся и поспешно простился с Алмазовым. И отправился к себе домой. А дома его ждал человек из канцелярии губернатора – губернатор, несмотря на поздний час, желал видеть Костю у себя.

Разумеется, Костя поспешил на зов. По дороге он сильно разволновался, прижимая портфель с кинжалом к груди, и пытался предугадать, что за прием его ожидает.

Надо сказать, губернатор слыл добрым стариком, который не чаял дослужить до пенсии и отбыть в свое загородное имение, где, по его собственным словам, был разбит такой сад, что сделал бы честь королевскому дворцу.

В этом месте я грустно усмехнулась: теперь на территории бывшего поместья детский санаторий, а до этого был сельхозтехникум, от былого великолепия мало что осталось. Оранжереи после революции разгромили, мебель и прочее из дома растащили, а многочисленные фонтаны исчезли.

Но вернемся к началу двадцатого века. Мой прапрадед, чрезвычайно волнуясь, шел к губернатору, с которым был хорошо знаком и с супругой которого не далее как третьего дня очень мило беседовал в театре. Она еще попеняла ему, что он редко у них бывает – у губернатора была дочь на выданье, а Костя, как уже говорилось, считался завидным женихом. В дверях он столкнулся с Никифоровым. Тот пробурчал что-то невнятное и поспешил удалиться.

Губернатор встретил Костю ласково, подробно расспросил о поездке в монастырь и со вздохом сказал:

– Что ж, теперь это не наше дело. – И кивнул, точно подводя итог разговору.

Такой поворот событий вовсе не пришелся Косте по душе. Он желал разгадать тайну кинжала и двух убийств и останавливаться на полпути не был намерен. Но с губернатором, как известно, не поспоришь, и он вынужден был откланяться.

– Да, Константин Иванович, – остановил его губернатор, когда молодой человек уже направлялся к двери. – А где он, этот самый кинжал?

Костя ответил, что при нем, и губернатор захотел на него взглянуть. Долго вертел раритет в руках, покачивая головой и даже причмокивая губами.

– Забавная вещица, – заявил он, наконец, и вернул кинжал Косте. – Украсит любую коллекцию. – Было заметно, что выпускать из рук оружие ему не хотелось.

Костя спросил, что теперь делать с кинжалом, на что получил ответ:

– Отдайте Никифорову, пусть у него пока лежит. А там..., как решат. – Губернатор кивнул на потолок, намекая, что решать будут не здесь, а в другом месте, при этом выражение лица у него было точь-в-точь, как у Никифорова, когда тот повторял свою фразу, мол, не нашего ума дело.

* * *

Как видно, Костя не зря увлекался чтением романтических произведений, да и сам в душе был неисправимым романтиком, потому что, покидая губернатора, он был практически уверен: в недрах губернии зреет заговор, и к заговорщикам поспешил причислить и губернатора, и Никифорова, и отца Андрея. В общем, в его черный список попали все. А как еще можно объяснить нежелание власти разбираться в произошедшей странной истории?...

Если честно, размышления прапрадеда на этот счет не показались мне особенно убедительными. Не знаю, как обстояли дела до революции, но вряд ли чиновники тогда особенно отличались от наших. А наши ох как не любят подобные дела: только начни копать, и неизвестно, что накопаешь. И прости-прощай карьера, теплое местечко и перспектива спокойной

старости. Так что желание губернатора поскорее избавиться от щекотливого дела и переложить ответственность на чужие плечи мне-то как раз была понятна. Но Костя думал иначе, и подозрения его усиливались с каждой минутой.

Он решил для себя, что до истины непременно докопается. Этим и объяснялись его последующие действия. А, действия были намечены такие: не отдать кинжал Никифорову он не мог, но решил с Никифорова глаз не спускать, надеясь, что если худшие его опасения подтвердятся, Никифоров непременно войдет в контакт с кем-то из сообщников. Костя был уверен, что они непременно решат вернуть кинжал отцу Андрею. Чего тут было больше: распалившейся фантазии или логики, но намерения свои Костя собирался исполнить. С Никифоровым он решил встретиться завтра и отправился к себе домой.

Квартиру он снимал неподалеку от дома губернатора, прямо напротив собора. Квартира была небольшая (много ли места надобно холостяку?), но уютная. Экономка, пожилая немка, встретила его так, точно он вернулся из длительного путешествия. Костя отказался от ужина, выпил чаю и стал рассматривать кинжал, уединившись в кабинете.

Окна кабинета выходили во двор, и в какой-то момент Косте послышался некий странный шум за окном. Сначала он не придавал ему значения, но, против воли, начал прислушиваться, а потом, отложив кинжал в сторону, подошел к окну. Темень во дворе была страшная, так что неудивительно, что ничего он не разглядел. Однако, подумав немного, распахнул окно и выглянул во двор. Квартира располагалась на втором этаже, прямо под окнами кабинета росла столетняя ветвистая липа, и на ней сейчас сидел огромный ворон. Причем так близко, что Костя вполне мог коснуться его рукой. Но глупая птица отнюдь не испугалась близости человека и продолжала сидеть себе как ни в чем не бывало, а потом протяжно каркнула...

– Ну, вот, – вздохнула я. – Опять птичка-вещунья появилась.

И в самом деле, как же без нее? Однако то, что прапрадед мой при виде птицы почувствовал себя крайне неудобно, было мне понятно. Если честно, сегодня утром я тоже чувствовала себя не в своей тарелке, заприметив каркушу, и примерно те же беспокойные мысли посетили и меня, хотя я человек не суеверный и, как мне всегда казалось, до мистики не охочий. То есть я не против посмотреть по телику что-нибудь страшненькое, но по-настоящему историями про демонов меня испугать невозможно, потому что как бы круто ни завернул сюжет сценарист, я пребываю в твердой убежденности, что все это глупые сказки, и, насмотревшись подобных фильмов, не вздрагиваю нервно под одеялом, прислушиваясь к шорохам за окном.

Я-то не вздрагиваю, а вот Костя вздрогнул, и взгляд, которым его одарил ворон, казался ему вполне осмысленным. У него даже кольнула мысль, что тот за ним следит.

Ладно, простим человеку его фантазии, сто лет назад люди были более впечатлительны, они еще слыхом не слыхивали об Освенциме, атомной бомбе и Чернобыле и даже не догадывались, что самый опасный враг человека – он сам.

В общем, Костя продолжал таращиться на ворона, а тот на него, плавно передвигаясь по ветке. И продолжалось сие до тех самых пор, пока Костя не понял, что ситуация невыносимо глупая, и не закрыл окно в крайней на себя досаде. Хотя вполне мог швырнуть в птицу чем-то тяжелым. Должно быть, такая мысль просто не пришла ему в голову.

Костя вернулся к столу, завернул кинжал в тряпку и запер в верхнем ящике. Вдруг подумал про себя: надо бы сказать экономке, чтобы повесила в кабинете шторы на окна, хотя ранее он прекрасно обходился без оных. И перед тем как отправиться спать, подробнейшим образом занес в дневник все события этого дня. Судя по всему, на это у него ушло много времени. Наконец Костя отложил дневник в сторону и лег в постель.

У молодого человека сон должен быть крепкий, а тут еще усталость и волнение дня... Я бы не удивилась, если бы мой прапрадед спал в ту ночь как убитый. Но..., заснуть-то он заснул, но ненадолго. Потому что среди ночи проснулся не просто так, а от кошмара. Что конкретно ему приснилось, он сообщить не пожелал, но сон был напрямую связан с последними событиями (может, снился ему все тот же ворон, а может, кое-что и похуже), и первой его мыслью, когда он в темноте открыл глаза, была мысль о кинжале, точнее о том, что он дурака свалил, оставив его в кабинете. Надо было взять его с собой или устроиться на ночлег на кабинетном диване.

Костя торопливо поднялся, настороженно прислушиваясь. В доме царила тишина, и он совсем было собрался вновь юркнуть под одеяло, но тут ушей его коснулся странный шорох (разумеется, странный, ибо в том состоянии, в котором Костя находился, по-другому и быть не могло). Набросив халат, Костя решил заглянуть в кабинет, но слегка задержался, в темноте пытаясь найти оружие. Обычно револьвер его лежал в бельеовом шкафу, являясь бесполезной игрушкой – стрелять из него Костя не умел и даже слегка револьвера побаивался, но револьвер был подарком брата, и Костя, перебираясь в губернию, захватил его с собой. (Насколько я помню, в те времена была мода на оружие, экзальтированные дамочки таскали в сумочках «браунинги», а студенты стрелялись из-за несчастной любви.) Зажигать свет Костя почему-то не стал, а в темноте поиски заняли довольно много времени. Наконец он нашел то, что искал, и направился в кабинет. И когда толкнул дверь, услышал, как в кабинете звякнуло оконное стекло. Далее все было как в классическом триллере. Костя ворвался в кабинет, который тонул во мраке, быстро огляделся и прошел к окну. Окно было чуть приоткрыто и тихо поскрипывало от ночного ветерка. Рама оказалась взломанной. Костя распахнул обе створки, и тут..., что-то огромное, черное, раскинув крылья, шарахнулось с ветки. Костя услышал глухой удар, а в следующий момент грохнул выстрел, и Костя не сразу понял, что стрелял он сам. Как на грех, ночь выдалась безлунная и до того темная, что разглядеть, что происходит внизу, не было никакой возможности. Костя лишь слышал шаги да чье-то прерывистое дыхание.

Выстрел наделал много шума. Сначала прибежал дворник, потом блюститель порядка, окна в соседних домах пооткрывались. Люди спросонья не могли понять, в чем дело. Крики, шум, кто-то заорал «пожар», и началось форменное безумие.

Костя между тем уже пришел в себя, зажег в кабинете свет и кинулся к столу. Нечего и говорить, что кинжала на месте не оказалось. Верхний ящик был взломан, выдвинут, и в нем лежала лишь тряпица, в которую Костя завернул кинжал...

– Да... – сказала я громко, дочитав дневник до этого места и поскребла затылок. Выходит, кинжал в самом деле был кому-то очень нужен. Так нужен, что человек пошел на отчаянный шаг: забрался в квартиру заместителя прокурора, взломал ящик и свистнул вещдок...

И в наше время разговоров бы о подобном происшествии надолго хватило, а тогда о случившемся мгновенно узнал весь город. Утром, когда рассвело, приступили к осмотру места преступления. И тут уж фантазии о здоровенной вороне пришлось оставить, на мягкой земле обнаружили под кабинетным окном отпечаток ноги, вполне человеческой, а на кусте сирени, что росла по соседству, кровь. Костя хоть и был никудышным стрелком, но, видимо, пуля, выпущенная из его оружия, достала-таки злоумышленника. Косте пришлось отвечать на множество вопросов, и чувствовал он себя хуже некуда. Кинжал исчез, и молодой человек был уверен, что он вернулся к прежним хозяевам, то есть в монастырь.

Его рассуждения показались мне здравыми. Кстати, человека в черном, при известном воображении, вполне можно принять за гигантскую ворону, а широкие рукава сутаны – за крылья. Вот только сама мысль о грабителе-монахе... А собственно, почему бы и нет? Если люди решаются на убийство, ограбление для них – плевое дело.

О своих соображениях Костя помалкивал, потому что к тому моменту в заговоре уже подозревал практически всех, от губернатора до дворника, который, по его словам, не спал всю ночь и никого во дворе не заметил. След на земле и кровь явно его словам противоречили. Скорее всего, мужик тихо-мирно спал и проснулся от выстрела. А со двора можно было уйти через боковую калитку, которая выходила к реке.

Расспросы и поиски ничего не дали, и народ в городе понемногу успокоился. Но только не Костя. Пренебрегая своими обычными обязанностями, он в тот же день отправился в монастырь. Разумеется, в сам монастырь он заглянуть не решился и разговор с Андреем посчитал излишним. Не было у него ни одной улики, чтобы прижать святошу. Поэтому он наблюдал за обителью издали, то есть, проще говоря, без всякого толку болтался вблизи монастыря.

Однако занятие было не таким уж и глупым, как могло показаться вначале. Буквально на следующий день терпение Кости было вознаграждено. Рано утром монастырские ворота открылись, и появилась коляска, в которой сидел отец Андрей. Он отправился в город, и Костя с небольшой задержкой следом, заранее позаботившись о том, чтобы лошадь была наготове. Возница, нанятый им, заверял, что домчит его за пять минут, и не обманул, потому что вскоре Костя заметил монастырскую коляску и приказал вознице не спешить.

Вот так они въехали в город: сначала отец Андрей, а за ним и Костя. Андрей остановился в гостинице, что возле вокзала, и вскоре отправился в епископскую канцелярию, о чем Костя узнал, подослав к сопровождающему Андрея монаху своего возницу, молодого парня. Монах сообщил, что в городе Андрей пробудет недолго и уже сегодня отправится в Троицкий монастырь. Костя очень разволновался. Почему-то он был уверен, что Андрей неспроста затеял свою поездку. Грядущее расследование в монастыре наверняка заставит его проявлять осторожность, а это значит, что Андрей постарается надежно спрятать то, что, по его мнению, нежелательно видеть другим. Почему бы, например, не в Троицком монастыре, куда он в последнее время часто ездил и где у него, скорее всего, есть сообщники?

Что ж, я бы тоже так, наверное, решила. Дальнейшее поведение прапрадеда мне, в общем-то, понятно. Он надумал обыскать комнату Андрея в гостинице, пока тот находился в канцелярии, и затею эту осуществил. О том, как он раздобыл ключи от комнаты и проник туда, в дневнике ни слова. Возможно, тогда комнаты вовсе не запирались, а такого человека, как Костя, вряд ли бы кто заподозрил в дурном умысле.

Как бы то ни было, но прапрадед оказался в комнате, которую отвели Андрею, и первым делом обратил внимание на саквояж, стоящий под столом. Не колеблясь, он открыл его и под книгой, которая, конечно, оказалась Библией, обнаружил сверток. Торопливо развернул его и едва не рухнул в обморок от волнения. На столе прямо перед ним лежало четыре кинжала. Один Костя уже видел раньше – тот самый, что нашли в одежде погибшего Сергия, на рукоятке которого значилось имя Марк, и имелся символ евангелиста – лев. На рукоятке второго кинжала были имя Лука и телец, на рукоятке третьего значилось имя Иоанн и виднелся символ – орел, а вот четвертый... Четвертый кинжал отличался от первых трех. То есть, с одной стороны, он был точной их копией – таким же по размеру и форме, с тем же узким острым лезвием и распятием на рукоятке, с другой стороны стояло имя Сергий, и была надпись: «Рука твоя – рука Божья», но вместо символа евангелиста еще надпись – «Аду адово».

Поначалу Костя даже не мог понять, что это такое, и решил, что не правильно прочитал старославянские буквы, которые заметно стерлись, пока на ум ему не пришло известное изречение «Кесарю кесарево». Кажется, так ответил Христос на коварный вопрос, надо ли платить налог мытарю, то есть римскому императору. И вот тогда надпись стала ему понятна. «Аду адово» – то, что принадлежит аду, то есть злу, должно туда возвратиться. Костя так увлеченно разглядывал кинжал, что, кажется, ничего не замечал вокруг. Не слышал, как скрипнула дверь (по моему мнению, она непременно должна была скрипнуть), не почувствовал, как подул легкий ветерок, и шорох за спиной тоже не услышал. И только вдруг ощутив чье-то присутствие

за спиной, хотел повернуться, но было уже поздно. Что-то с шумом обрушилось ему на голову, и он лишился сознания.

– Слава богу, на этот раз обошлось без ворон, – вздохнула я, от всей души сочувствуя прапрадеду. Наверное, очень неприятно получить по голове чем-то тяжелым. Хорошо хоть жив остался. Разумеется, жив, если смог рассказать о происшедшем.

Очнулся Костя через некоторое время и в самом неожиданном месте: в городском парке на скамейке. Рядом стоял городской и почтительно тряс его за плечо, смущенно кашляя. Костя вздохнул и смог произнести:

– Где я? – после чего в изумлении огляделся.

Потом уже, тщательно осмотрев гостиницу и близлежащие дома, он понял, как его незаметно перетащили в парк. Рядом с номером, что занимал Андрей, была черная лестница, по ней нападавший и смог его вынести. Лестница выходила в сад, запущенный и заваленный всякой рухлядью, из него в переулок вела калитка, а сам переулок выходил к парку. Переулком мало кто пользовался, ни одно окно в него не выходило, что было на руку нападавшему. Почему Костю не оставили лежать в номере Андрея, понятно – тот не желал привлекать к себе внимание. Но зачем было тащить бесчувственное тело в парк, рискуя быть замеченным по дороге? Однако Костя и с этим вопросом смог разобраться: во дворе его могли обнаружить очень быстро, а отцу Андрею необходимо было время, чтобы покинуть город. Вот и перетащили Костю на скамейку, причем в дальнем конце городского парка, где он мог бы оставаться довольно долго, если бы туда по какой-то надобности не забрел городской. Поначалу он принял Костю за пьяного и, когда молодой человек пришел в себя, очень смутился. Впрочем, не менее его был смущен и сам Костя, пробормотал что-то о сильнейшей головной боли и попробовал встать. Не тут-то было – голова кружилась, и мысли в ней отчаянно путались. Он ощупал голову, крови не обнаружил, но облегчение было минутным – ясно, что столь сильный удар по голове без последствий не останется.

При помощи городского Костя добрался до дома, вскоре пришел врач, вызванный экономкой, и констатировал сотрясение мозга. О происшествии Костя предпочел умолчать, отделался невнятными объяснениями, что оступился, прогуливаясь в парке, и упал, а далее ничего не помнит до того момента, как его привел в чувство городской.

Костя послал справиться в гостинице об отце Андрее и узнал, что тот уже уехал. Он подумывал, было снарядить погоню, но сам не верил в успех своего предприятия. Во-первых, многое пришлось бы объяснять, в том числе и свой неблагоприятный поступок (несанкционированный обыск в гостинице), во-вторых, идея о заговоре его все еще не покидала. В общем, он решил, что ничего хорошего из его затеи не выйдет. Ясно, что у Андрея были помощники, и пока тот находился в канцелярии, кто-то приглядывал за его номером и Костю выследил. На объяснения, убеждения и прочее уйдет много времени, Андрей успеет добраться до Троицкого монастыря, и тогда доказать что-либо будет вообще невозможно.

Костя впал в меланхолию. Голова нещадно болела, а тайна грозила остаться неразгаданной. Он лежал в своем кабинете, разглядывал потолок, а сердобольная немка преданно за ним ухаживала.

Через несколько дней его навестил Алмазов. Вид учитель имел какой-то пришибленный, а говорил он вообще странно – шепотом и без конца оглядываясь.

– Что с вами, Порфирий Иванович? – не выдержал Костя.

– Удивительные дела творятся, – шепотом ответил тот. – Не находите?

– Я нахожу, что вы говорите загадками, а у меня нынче сил нет их отгадывать, – буркнул Костя.

– Это вы верно подметили, насчет загадок, – вздохнул Алмазов. – Я после нашего разговора много думал, записи свои просмотрел, да и вообще...

А далее последовал совершенно фантастический рассказ.

Фантастическим он показался Косте, а по мне так просто глупость. Якобы существовало поверье, что в пещере, неподалеку от города, есть тайный грот, а в нем открывается прямая дорога в ад. Пещера так и зовется – Адова. Правда, по словам Алмазова, последнее время ее предпочитают называть Козьей, потому что козы вечно туда забредают и теряются в тамошних лабиринтах, откуда извлекают их с большим трудом, а многие и вовсе остаются там навечно. И якобы в давние времена пользовалась этим ходом всякая нечисть, чтобы, поселяясь среди людей, усердно им пакостить. Пакости были такого свойства, что только держись. Никакого житья не было всей округе. Измученные граждане обратились в Троицкий монастырь, и оттуда прибыли иноки, которые и запечатали дорогу в ад.

– Что, значит, запечатали? – возмутился Костя.

Я бы, кстати, тоже возмутилась.

– А то и значит. Запечатали семью ключами, и теперь Сатана не может выйти на волю. Но если эти семь ключей найдутся...

– Помилуйте, что за сказки! – простонал Костя.

– Как посмотреть... Может, и сказки, но если кто-то в них поверил...

Вот тут Костя и задумался. Что, если действительно кто-то поверил? И такое начал вытворять... Но какова тут роль монахов? Не собираются же они открывать дорогу дьяволу? Или, напротив, хотят преградить ему путь, и с этой целью... Суеверие, самое дурацкое, к сожалению, не редкость, но как в такое может поверить современный образованный человек? А отец Андрей, безусловно, человек образованный...

Алмазов продолжал развивать свои фантастические идеи, а Костя слушал, и чем дольше слушал, тем менее фантастическими они ему казались. Теперь и цитаты на папиросной бумаге, и даже убийства, и таинственное ограбление нашли свое разумное объяснение. Допустим, некие люди, узнав о легенде, решили открыть дорогу дьяволу, но есть и те, кто пытается им противостоять...

– Летопись, которую я обнаружил, это только подтверждает, – закивал Алмазов с энтузиазмом.

Но кое-какой здравый смысл все-таки у Кости имелся, несмотря на травму головы, и он спросил Алмазова, стараясь, чтобы вопрос прозвучал не без сарказма:

– Но как кинжалы могут стать ключами? И почему вы говорите, что их семь? Я видел только четыре.

– Жаль, что сам я ничего не слышал об этом «Наказе». Наверное, там что-нибудь да сказано, оттого одни ту книгу хотят иметь во что бы то ни стало, а другие с тем же усердием посягательствам на нее так противятся. Возможно, кинжалы надо собрать вместе, разложить в определенной последовательности...

– И появится дьявол? – фыркнул Костя.

– Зло, – нахмурился Алмазов. – Дьявол – это всемирное зло. Вырвись оно на свободу, и люди забудут, что они люди, и Бога забудут, и начнется хаос, и прольются реки крови... Апокалипсис. Иногда я чувствую его приближение, – грустно вздохнул Алмазов. – А вы нет? – Костя не ответил. Алмазов, еще раз вздохнув, продолжил:

– На днях соседская служанка Матрена билась в истерике: ей видение было, будто весь город в огне, убитые на улицах, мертвые дети...

– Вы же сами говорите: истерика. Так что же взять с истеричной бабы?

– Ее видения, как правило, сбываются, – покачал головой Алмазов. – Она местная достопримечательность, губернская Кассандра, так сказать. Не поверите, как на меня подействовал ее рассказ.

В тот момент Костя тоже почувствовал странное беспокойство, словно перед ним на мгновение приоткрылась завеса судьбы.

А вслед за ним забеспокоилась и я. Отложила в сторону дневник и хотела позвать бабулю, чтобы узнать о судьбе прапрадеда. Матрена ведь оказалась права, через несколько лет страну захлестнула Гражданская война, и реки крови пролились, и убитые лежали на улицах, и «контриков» расстреливали прямо в городском саду, вон там, за бывшим зданием городской думы, где сейчас дворец творчества юных. Трупы забрасывали землей кое-как, а зимой из-под снега торчали то руки, то ноги. Чем не Апокалипсис? Потом на том месте соорудили фонтан, но он почему-то вечно ломался. В грязной воде плавали обрывки бумаги и прочий мусор, и отдыхающие, точно сговорившись, обходили фонтан стороной. Несколько лет назад фонтан убрали и на его месте построили часовню в память о погибших.

Я вздохнула, взглянув на часы. Время позднее, с вопросами о судьбе прапрадеда придется подождать до утра...

А между тем Алмазов принялся объяснять Косте мистическое значение числа семь, которое наряду с тройкой, согласно традиции древневосточных культур, – значительнейшее из священных чисел. Упомянул он, к примеру, о семи демонах, изображенных семью точками созвездия Плеяды. Число семь, по его словам, играло большую роль в Откровениях Иоанна Богослова, где упоминается семь общин, семь рогов чудовищного дракона, семь чаш гнева.

– Разрушением как результатом гнева Божьего отмечена знаменитая «сцена семи» из Ветхого Завета, – горячился Алмазов. – Семь священников с семью трубами вострубили под стенами Иерихона, когда на седьмой день осады сыны израилевы обошли семь раз вокруг города, и от их воинственного крика рухнули его стены. Семеричный ряд ценился и во времена европейского Средневековья: это семь даров Святого духа, в готическом изображении в образе голубей, семь добродетелей, наук и искусств, семь таинств, семь возрастных периодов человека; семь смертных грехов...

Признаться, у Кости от всего услышанного голова шла кругом, что немудрено при сотрясении мозга. А Алмазов, бегая от окна к двери, продолжал в запальчивости рассказывать, каким-то необъяснимым образом умудряясь избежать столкновения с предметами мебели и не расквасить себе нос.

– А семь просьб в «Отче наш»? Это-то вы, Константин Иванович, надеюсь, помните? А если нет, извольте сосчитать: «Да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя, хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

– Хорошо, хорошо! – замахал Костя руками. – Нам-то что это дает? Что теперь прикажете делать?

Алмазов замер как вкопанный и, уставясь в пол, задумался.

– Если кинжалы у тех, кто вознамерился воспрепятствовать злу, то мы своим вмешательством лишь навредим. Следовательно, нам надлежит как можно скорее забыть о происшедшем и... Но если они у посланников зла, то..., то мы просто обязаны...

– Однако как же узнать, на чьей стороне отец Андрей? Вряд ли он сам нам скажет.

– Да-а..., ситуация... Думаю, необходимо установить наблюдение за пещерой, и, если кто-то там появится, мы сможем получить необходимые сведения. А для того чтобы наше присутствие там как-то объяснить... Ну, конечно, раскопки! Да, я попытаюсь получить разрешение. Кстати, вы помните народные верования, что серебро защищает от демонов? Зря усмехаетесь, Константин Иванович, сказка – ложь, да в ней намек... А вот вам исторический факт: римские жрецы для защиты страны от зловещих варварских народов на границах государства

закапывали серебряные статуи. Когда они были удалены, готы и гунны проникли внутрь империи.

О таком факте я не знала и, честно говоря, удивилась. Зато, конечно, была наслышана о серебряных пулях, которыми только и можно убить оборотня, ну и о прочих легендах, связанных с серебром.

Мой прапрадед смог, наконец, вставить слово, когда Алмазов сделал небольшую паузу в своем бесконечном монологе:

– Надпись на кинжале «Рука твоя – рука Божья». Что она может значить?

– А то она и значит, что обладатель кинжала наделяется властью Божьей предотвратить грядущий хаос.

Костя решил, что объяснение звучит несколько неубедительно, и принялся подсчитывать людские грехи. Те самые, смертные.

– Прелюбодейство, – вслух пробормотал он, дойдя до пятого. – А еще грех убийства и ложного свидетельства на ближнего своего.

– Вот-вот! – обрадовался Алмазов. – Понимаете теперь?

Не знаю, что там понял Костя, я пока мало что понимала, но была, конечно, заинтригована. Итак, в 1583 году по приказу настоятеля православного монастыря оружейник изготавливает семь кинжалов со странными надписями, и эти самые кинжалы являются ключами, запечатывающими некое зло в пещере неподалеку от родного города? Что ж, история занятная, писатели и исследователи старины вряд ли бы обошли ее стороной. Но ни о чем подобном я ранее не слышала, хотя историей в общем-то интересовалась. Очень хотелось бы знать, как она связана с убийствами в монастыре? Надеюсь, прапрадед докопался до истины. Мне давно было пора спать, но я и не думала о том, чтобы оторваться от дневника, так меня он увлек. За окном начало светать, а я продолжила чтение.

Костя лежал в кабинете своей съемной квартиры, пытаясь понять загадку семи кинжалов, страдал головной болью, принимал посетителей, а события развивались. И следующим стало внезапное исчезновение Алмазова.

Первой забила тревогу его матушка, что не удивительно. По ее словам, Алмазов накануне ушел из дома, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Ранее не было случая, чтобы он дома не ночевал, да еще не предупредив мать. Опросы знакомых ничего не дали. Когда в понедельник Алмазов не пришел на службу, начали ожидать самого худшего. К тому моменту по городу уже ползли невнятные слухи: поговорили о некоем проклятии, которое падет на тех, кто потревожил курган, и вообще о близких бедствиях. Костя о происшествии узнал одним из последних, что было довольно странно. Хотя, может, его берегли от волнений и сообщить дурные вести не спешили. Но как только до Кости дошли слухи об исчезновении Алмазова, он, несмотря на плохое самочувствие, поднялся с постели и в сопровождении нескольких мужчин отправился в пещеру. Худшие его предположения подтвердились. Уже к обеду в одном из переходов был обнаружен труп Алмазова. Никаких следов насилия – учитель точно спал, привалившись к стене, а возле его ног было пепелище. Как видно, он разложил костер, зачем-то оставшись в пещере на ночь. Вызванный из города доктор высказал предположение, что Алмазов отравился угарным газом, и вскрытие его предположение подтвердило. В городе посудачили о внезапной кончине Алмазова и успокоились. Правда, еще долго продолжали гадать, что могло ему понадобиться в пещере, но, зная его тягу к раскопкам, решили, что он, по обыкновению, затеял какие-то изыскания и погиб по неосторожности. Хотя какие раскопки могут быть ночью?

Костя в общем-то знал ответы на вопросы, но с выводами все же не спешил. Сомневаться в словах доктора у него повода не было, однако так ли уж случайна смерть учителя гимназии, который в одиночку вознамерился проверить свою теорию?...

Таким вот размышлениям были посвящены последние пять страниц тетради. Между ее страниц я обнаружила сложенный лист бумаги, а на нем – рисунок кинжала, того самого, который нашли у погибшего монаха. И еще там был листок папиросной бумаги из кельи Никона. Рассмотрев все тщательнейшим образом, я поспешила к столу, горя желанием читать дальше и узнать продолжение истории. И тут выяснилось, что тетрадь, которую я только что закончила читать, была последней. Моему разочарованию не было предела. Неужели я так и не узнаю, чем все закончилось? Надеюсь, бабуля мне завтра расскажет. По крайней мере, о судьбе прапрадеда она непременно должна знать.

Вместо того чтобы лечь спать, я вновь стала разглядывать рисунок, а затем взяла в руки кинжал, который мне вручил странный старичок, повертела его в руках, придвинувшись ближе к лампе. «Рука твоя – рука Божья». Надо набраться терпения до утра и расспросить бабулю, когда она проснется. А еще надо найти Матюшу и узнать у него обо всех этих тайнах. Ведь зачем-то он передал мне кинжал?

Я так и не уснула в ту ночь, прислушиваясь к тишине квартиры, и вздохнула с облегчением, когда скрипнула дверь бабушкиной комнаты – и она прошла на кухню. Я тут же поднялась с дивана и направилась вслед за ней.

– Доброе утро, – приветствовала меня бабуля, включив чайник и хмуро на меня поглядывая. – Что, всю ночь не спала?

– Очень занятное чтение, – усмехнулась я, поцеловав ее и уstraиваясь за столом.

– Тебе сегодня на работу. Надеюсь, ты помнишь об этом?

– Конечно. Бессонная ночь – ерунда, я же молодая девушка, организм здоровый...

Бабуля, а чем там все закончилось?

– Революцией, – насмешливо ответила она. – Зло выпустили на волю.

– Так нечестно, – нахмурилась я. – А убийства?

Она покачала головой:

– Наверное, были еще дневники, но сохранилось только четыре тетради. Хотя твой прапрадед мог, в конце концов, и оставить идею заносить каждый прожитый день в дневник. Такое часто случается.

– А что с ним самим стало?

– С моим дедом? Женился на Сонечке. Накануне революции у них родился сын, его назвали Левушкой. Надеюсь, ты помнишь, что так звали моего отца.

– А потом?

– Потом революция. Гражданская война, Константин Иванович отправил семью на юг, в двадцать первом его, по слухам, расстреляли. Разумеется, никто ничего толком не знал, время было такое. Где похоронен – неизвестно. Может, зарыт в нашем парке.

Бабуля подошла к окну и вздохнула, глядя вдаль, из окна можно было различить купол часовни на месте казней.

– Вот так, – прошептала она, а потом улыбнулась, поворачиваясь ко мне. – Через полгода умерла от тифа моя бабка, и маленький Лева остался со своей няней. Царство ей небесное, святая была женщина, доброты необыкновенной! В двадцать пятом они вернулись в наш город. Марфа Семеновна записала Леву под своей фамилией, выдав за сына, что впоследствии уберегло отца от многих неприятностей. А то вполне ведь мог оказаться в лагере – за «контрреволюционное прошлое». Так мы стали Ивановыми, и только твой отец уже в двадцать лет решил взять фамилию прадеда. Странная прихоть, которую никто не понимал.

– Никто? А ты?

– Я, конечно, понимала. И дело вовсе не в том, что мода пошла на дворянское происхождение. Дело в этих дневниках.

– Расскажи мне об отце, – попросила я.

– Я тебе сто раз о нем рассказывала, – неожиданно рассердилась она.

– Расскажи в сто первый.

– Не сегодня, – упрямилась бабуля. – Ты мне лучше объясни, откуда у тебя кинжал?

– Отец его искал? – в свою очередь спросила я, увиливая от ответа.

– Разумеется. Он просто помешался на этой истории. Ездил по монастырям, изучал какие-то документы.

– Но он ведь не был историком? Кстати, почему он не пошел на исторический, а стал инженером?

– Потому что его интересовала одна конкретная история, – вздохнула бабуля. – И ей он посвятил свою очень короткую жизнь. Постарайся не повторять его ошибок. Человек должен прожить свою жизнь, а не копать в чужой.

– Ты же сама говорила, что моего здравого смысла хватит на двоих. Если он так настойчиво искал разгадку, должны остаться какие-то документы...

– Коробка из-под телевизора была доверху набита бумагами, – перебила бабка.

– И где она?

– Твоя мать отдала бумаги какому-то другу отца.

– Что значит «какому-то»? Ты его не знаешь?

– В том-то и дело, что нет. Твой отец совершенно помешался на этих кинжалах и даже собрал группу единомышленников. Вместе с ними он отправился на раскопки. В сорока километрах от города, бывший Троицкий монастырь, который разрушили после революции.

– Какие раскопки? – нахмурилась я. – Он поехал в составе какой-то экспедиции?

– Нет, – вздохнула бабуля. – Чистая самодеятельность. Там все бурьяном поросло, и что искали трое чокнутых, никого не интересовало.

– Они были кем-то вроде «черных» археологов? – удивилась я.

– Ну да, вроде, – опять вздохнула бабуля. – И все трое исчезли. Никаких следов. Там рядом село, и местные жители о них знали, но после их исчезновения ничего сообщить не могли. Отца с друзьями объявили в розыск. А через пять лет нашли тело твоего отца в заброшенном колодце, в десяти километрах от их стоянки. Опознавать его ездила твоя мать, я не смогла. Теперь он покоится на кладбище деревни Суховой, бывшем родовом имении его прабабки, жены Константина Ивановича. У него была странная фантазия быть погребенным именно там. Разумеется, я не предполагала, что мне придется выполнить его волю. – На глазах бабули навернулись слезы, но она смогла сдержать их, отвернувшись к окну и немного помолчав. – А через полгода появился друг, которого интересовали его бумаги.

– И мама их отдала?

– Думаю, она была просто рада избавиться от хлама, – усмехнулась бабуля. – Не подумай, что я ее осуждаю. Увлечение отца – чрезмерное увлечение, так будет правильнее сказать, – не прибавило ей счастья. Уверена, она ненавидела все, что связано с поиском кинжалов.

– Подожди, подожди... – забеспокоилась я. – Значит, продолжение все-таки было, и отцу удалось...

– Не знаю, что там ему удалось... – устало махнула рукой бабка. – Если вначале его интерес к истории семьи мне нравился – да что там, я была просто рада, что мой мальчик так серьезно ею увлекся! – то потом... – Она вновь махнула рукой. – Собственно, тут моя вина. Я проклинала день, когда дала сыну дневники. Ты бы видела своего отца в последние годы. Он стал буквально одержим. Забросил работу, жил случайными заработками, носился по всей области в поисках каких-то свидетельств... Даже твое рождение его не образумило! У твоей матери имелся повод проявлять недовольство, тем более ей было совершенно не понять, что

такое он ищет. Если бы какой-то клад, золото, бриллианты, а он искал ключи неизвестно от чего.

– Почему же неизвестно? – пожала я плечами. – От места заточения нечистой силы. Бабка хмуро взглянула на меня и отрезала:

– Не юродствуй, твой отец верил в это. Впрочем, убеждена, что в самое последнее время у него появилась другая теория.

– Да? Какая? – заинтересовалась я.

– Не знаю. Он что-то рассказывал, но в то время любое упоминание о кинжалах вызывало у меня нервный тик. Однажды я застала его за тем, что он рассказывал тебе о монахах-воинах, а тебе тогда не было и годика.

– Ну и что?

– Нормальный отец рассказывал бы сказку про Колобка, – огрызнулась бабка, а я пожала плечами.

– Про Колобка банально, а вот монахи-воины...

– Он специально возил нас в Троице-Сергиеву лавру, в тот самый храм, где Сергей Радонежский благословил иноков Александра и Родиона и отправил их в войско Дмитрия Донского. По легенде, они начали Куликовскую битву поединком с лучшими воинами Орды.

– Помню, помню, – кивнула я, боясь, что бабуля чересчур увлечется и от рассказа об отце перейдет к историческим событиям, которые меня совершенно не волновали в тот момент. – Пересвет и Ослябя. А кстати. Пересвет – это что, фамилия?

– Темнота! – хмыкнула бабуля. – Какие тогда могли быть фамилии у простых парней? Александром он стал после пострига, а имя, данное ему родителями, Пересвет. Точно так же Родион до пострига звался Ослябя.

– С этими именами у нас вечная путаница, – хихикнула я, намекая на свое собственное, и показала бабуле язык. – А почему отца так заинтересовали эти двое?

– Он утверждал, что в Средневековье существовал орден монахов-воинов...

– Конечно. Были тевтонский, ливонский, а еще знаменитые тамплиеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.